

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 14

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫНОВА-ЩЕДРИНА и А. Н. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 9 апрѣля 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 27.

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

Въ памяти пронеслись образы другихъ невѣсть, свадьбы которыхъ со своимъ сыномъ она такъ ловко разстраивала, и ей казалось, что ни одна изъ тѣхъ не была такой, какъ эта.

«Всѣхъ бы ихъ могла она покорить и подчинить своей волѣ, ну, а эта... что-то страшна больно! Что-то тиха, да скромна она очень. А брови-то — вонъ какъ близко одна отъ другой, словно какъ и у меня же» — думала Нина Сергѣевна, вглядываясь въ красивое личико молодой дѣвушки.

А въ гостиной, между тѣмъ, царил неловкое молчаніе. И вотъ, чтобы нарушить его, Константинъ Федоровичъ, попрежнему неестественно громкимъ, но на этотъ разъ уже слегка дрожащимъ голосомъ, проговорилъ:

— Что же, маменька! Теперь бы вотъ вы и благословили насъ! Маменька молчала.

— Такъ я пойду, — продолжалъ онъ. — Принесу Казанскую Божью Матерь, которой васъ съ покойнымъ батюшкой благославляли.

И онъ вышелъ изъ гостиной. А неловкое молчаніе опять воцарилось здѣсь.

«Я какъ бы насильно врываюсь въ эту семью; — думала про себя стоявшая у окна Каменская. — Хорошо ли это? Но что же дѣлать, если все равно иначе сюда войти никто бы не могъ!»

Лидія Александровна переглядывалась съ мужемъ, какъ бы спрашивая: «Господи, да скоро ли кончится эта пытка?» А тотъ только слегка пожималъ плечами.

Но вотъ вернулся и Констан-

Скорбящая Богоматерь. Картина Ад. Эхтлера, грав. Геданъ.

тинъ Федоровичъ. Въ рукахъ у него была оправленная въ дорогую ризу икона Казанской Божіей Матери.

При его входѣ Тополевы оба сразу встали. Нина Сергѣевна, какъ бы ничего не замѣчая, сидѣла на своемъ мѣстѣ.

— Маменька! — тихо, обращаясь къ ней, проговорилъ сынъ. Но въ его голосѣ прозвучала такая твердая настойчивость, такая мольба и требованіе въ одно и то же время, что старуха испуганно взглянула на него.

Затѣмъ, изъ груди ея вырвался слабый, подавленный стонъ, и она медленно поднялась съ мѣста. Дрожащими руками приняла она отъ сына икону и сдѣлала два шага впередъ.

Константинъ Федоровичъ и Ольга Сергѣевна рядомъ опустились передъ ней на колѣни.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, — съ трудомъ выговаривая слова, начала Нина Сергѣевна и трижды благословила своего сына и его невѣсту, и трижды же слабо поцѣловала ихъ.

Затѣмъ икону взялъ Николай Васильевичъ и, какъ посаженный отецъ, тоже благословилъ ихъ.

Лидія же Александровна въ это время подъ руку отвела Нину Сергѣевну на диванъ. А нареченные, поднявшись на ноги, взглянули другъ на друга.

Константинъ Федоровичъ нѣжно поцѣловалъ у невѣсты руку, а та поцѣловала его въ лобъ.

Затѣмъ онъ быстро вышелъ изъ гостиной.

Ольга Сергѣевна подошла къ своей будущей матери и сѣла рядомъ съ ней. Нина Сергѣевна опять молча и внимательно посмотрѣла на нее и потомъ тихо, почти шопотомъ, спросила:

— А какъ же насчетъ его болѣзни-то? Не опасаетесь?

Ольга Сергѣевна весело улыбнулась этому, какъ милой шуткѣ, и тоже, какъ бы въ шутку, отвѣтила:

— Ничего. Богъ милостивъ! Вылѣчится.

И вдругъ старуха порывисто, обѣими руками, схватила ее за виски и, прижавъ голову ея къ своей груди, громко заплакала.

— Никакихъ! Никакихъ болѣзней у него нѣтъ! Здоровѣшекъ онъ у меня. Только береги ты его! Береги, Олечка! Не смыслень онъ у меня! Сердце-то у него больно доброе! Всего его обобратъ могутъ! Береги ты его! И добро наше береги! Вѣками, вѣдь, коплено, кроха по крохѣ собрано! Береги! — причитала она сквозь слезы и въ то же время мокрыми губами цѣловала пушистые волосы, смуглый лобъ и глаза своей будущей невѣстки.

А Ольга Сергѣевна цѣловала у нея руки.

И какъ разъ въ эту-то минуту вернулся Константинъ Федоровичъ. А за нимъ, облеченный въ невѣроятно истасканный сюртукъ, выступалъ поваръ Аникѣичъ, держа въ растопыренныхъ рукахъ подносъ съ бокалами шампанскаго.

Увидавъ свою невѣсту въ объятіяхъ матери, Константинъ Федоровичъ сначала какъ-то криво усмѣхнулся, потомъ закрылъ лицо обѣими руками и радостно, радостно заплакалъ.

— За новую жизнь! За новое счастье! — весело воскликнулъ Николай Васильевичъ, высоко поднимая вверхъ свой бокалъ.

И всѣ чокались, цѣловались, обнимались. И всѣ вѣрили въ эту минуту, что дѣйствительно настанетъ новая жизнь, будетъ новое счастье! И кажется, даже вѣрила этому и разбитая, побѣжденная молодымъ налетомъ старая Нина Сергѣевна...

XXXII.

Болѣзнь доктора Лыкошина приняла угрожающій характеръ. На четвертый день онъ опять потерялъ сознание и былъ все время въ бреду.

Блѣдная, исхудалая Людмила почти не отходила

отъ него. А Никеша, тотъ и спалъ въ комнатѣ больного.

Докторъ Струмиловъ навѣщалъ своего пациента по два раза на дню. Въ его распоряженіе была предоставлена лошадь Полтинныхъ. Старый докторъ тоже каждый день навѣдывался сюда.

На пятый день къ утру бредъ прошелъ, и температура стала понижаться. Но больной былъ въ такомъ угнетенномъ состояніи, что на него было страшно смотрѣть: онъ ничего не говорилъ и лежалъ почти не шевелясь.

На шестой день температура опять страшно повысилась. Людмила застыла въ ужасѣ и умоляющими глазами смотрѣла на обонхъ докторовъ.

Но они молчали.

Ларіонъ Семеновичъ вызвалъ-было зачѣмъ-то къ себѣ дочь, но, увидавъ ее, испугался даже.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ.

— Онъ умираетъ, папа, — проговорила она и съ рыданіями упала на грудь отца, она, никогда не плакавшая Людмила.

— Если онъ умретъ, и я погибла! Безъ него нѣтъ мнѣ жизни! — шептала она.

— Христосъ съ тобой! Христосъ съ тобой! — успокаивалъ и самъ перепугавшейся Ларіонъ Семеновичъ, то и дѣло крестя прижавшуюся къ его груди голову дочери.

— А мнѣ, милочка, фхатъ надо! — заговорилъ онъ, когда слезы Людмилы стали стихать. — Я только завтра вернусь, къ вечеру. Ну, Богъ съ тобой! Иди къ нему. А у меня дѣло, нельзя бросить! Богъ милостивъ!

И, крѣпко обнявъ дочь и перекрестивъ ее еще разъ на прощанье, Ларіонъ Семеновичъ уѣхалъ.

Дѣйствительно, у него скопилось много сразу неотложныхъ дѣлъ. Верстахъ въ ста отъ города затонула его баржа съ зерномъ, а тутъ же, невдалекѣ одинъ изъ лучшихъ его буксирныхъ пароходовъ нарѣзался на корчу. Кромѣ того, дошелъ слухъ до него, что одинъ изъ его довѣренныхъ запынствовалъ и ведетъ съ какими-то темными личностями большую игру въ карты, а благодаря его нераспорядительности, цѣлый караванъ застрялъ на перекатѣ.

И вотъ, теперь Ларіонъ Семеновичъ, на томъ самомъ пароходѣ «Людмила», на которомъ онъ еще такъ недавно кутилъ и бражничалъ со своими собутыльниками, несся внизъ по Волгѣ къ «мѣстамъ происшествій».

Сумраченъ и угрюмъ былъ хозяинъ. Молча сидѣлъ онъ на капитанскомъ мостикѣ и задумчиво глядѣлъ вдаль. Но не аварія съ баржей и пароходомъ, не караванъ на мели, не загулъ довѣреннаго — тревожили его: къ такимъ событіямъ онъ въ своей вѣчной кипучей дѣятельности былъ уже давно привыченъ. «Въ большомъ дѣлѣ безъ прорѣхъ нельзя», часто и самъ говаривалъ онъ.

Нѣтъ, его мысли были всецѣло поглощены дочерью его, Людмилкой.

«Неужто же она и впрямь за доктора замужъ выйдетъ? — думалъ онъ. — Ну, развѣ онъ ей пара? Хорошій человѣкъ — нечего говорить, да не нашего поля ягода. Кто же потомъ его, Ларіона Семеновича, дѣла продолжать будетъ? Дѣла большія, миллионныя? Не о такомъ зятѣ мечталъ онъ! О преемникѣ и помощникѣ въ лицѣ мужа своей дочери молилъ онъ Бога. Да! И были женихи подходящіе, да что съ ней будешь дѣлать — отказывала. Охъ, самъ онъ во всемъ виноватъ, самъ! Во всемъ ей волю далъ. Воспитывать въ Москву, къ сестрѣ отправилъ, а тамъ у нихъ все на модный манеръ, все по заграничкѣ фздать, да разныя лекціи слушаютъ, благо у сестрина-то мужа тоже капиталъ большой. А отдалъ онъ ее туда, потому что и при себѣ оставить не рѣшался. Овдовѣлъ онъ давно, жизнь всегда вель веселую, ну, какое-жъ тутъ дѣвушкѣ воспитаніе? Да и

московское-то воспитаніе вышло не лучше! «Охъ, грѣхи наши, грѣхи!»—вздыхалъ Ларіонъ Семеновичъ, почесывая себѣ затылокъ.

«И то здѣшніе старики меня укоряютъ, что дочкѣ такую волю даль, а кумушки-то, можетъ, и невѣсть что шушукуютъ,—тянулись дальше его мысли.—Ну, да онъ свою Людмилу знаетъ! Вся она передъ нимъ, какъ на ладонкѣ: живое сердце, большая душа, но себя не теряетъ! Только зачѣмъ она ему сегодня такое слово сказала: умереть онъ, и я погибла? О, Господи!» И Ларіонъ Семеновичъ, приподнявъ картузь, перекрестился на горѣвшій въ лучахъ заходящаго солнца крестъ на колокольнѣ Никольскаго монастыря, мимо котораго пароходъ его проходилъ въ это время.

— Подверните-ка къ пристани!—вдругъ сказалъ онъ капитану, словно осѣненный какой-то мыслью.

— Къ монастырской прикажете?

— А то къ какой же? Другой здѣсь, вѣдь, нѣтъ!—почти сердито отвѣтилъ хозяинъ.

Въ монастырѣ давно и хорошо знали Полтинина и, увидавъ подходящій къ берегу тоже знакомый имъ пароходъ «Людмилу», приготовились къ встрѣчѣ. Но Ларіонъ Семеновичъ на пристань не сошелъ, а, позвавъ къ себѣ на пароходъ какого-то стараго монаха и передавая ему двѣсти рублей, сказалъ:

— Вотъ, батюшка! Служите-ка каждодневно, впредь до увѣдомленія, молебны о здравіи болящаго раба Божьяго Юрія или, какъ оно, Георгія, что ли?—поправился онъ.

И, принявъ отъ старика благословеніе, приказалъ сейчасъ же отчаливать и идти дальше.

Самъ онъ еще долго стоялъ на мостикѣ, съ непокрытой головой, и крестился, глядя на удалявшіяся главы монастырскихъ храмовъ.

— Охъ, грѣхи, грѣхи!—проговорилъ онъ, когда монастырь скрылся за поворотомъ рѣки, и, надѣвъ шляпу, усѣлся опять на свое мѣсто.

За дни болѣзни Лыкошина, въ душѣ его, смущенной словами, сказанными Людмилой Ахмарову и Сусленкову, что ея женихъ умираетъ, нѣсколько разъ уже мелькала грѣховная мысль, что вотъ, если докторъ не выживетъ, такъ и никакой неприятели не будетъ. А сегодня она вдругъ ему такое слово сказала: «если онъ умереть, и я погибну». И жутко стало Ларіону Семеновичу, больно ужъ онъ свою однородную дочь, Людмилушку, любилъ, для нея жилъ, о ней одной и думалъ.

«А, вѣдь, до внуковъ такихъ, которые бы мое дѣло могли принять, поди, и не дожить мнѣ!»—подумалъ онъ и сталъ года высчитывать: шелъ ему пятьдесятъ третій годъ, да если еще по малости двадцать два набавить, когда бы первый внукъ на ноги всталъ, такъ и то—семьдесятъ пять выходить.

— Нѣтъ, не дожить!—рѣшилъ онъ и мысленно даже рукой махнулъ.

«И прекратится, стало-быть, Полтининское дѣло, большое дѣло, миллионное!»

— Я пойду въ каюту, сосну малость! Какъ къ Лутовихѣ подходить будемъ, прикажите разбудить меня,—сказалъ Ларіонъ Семеновичъ капитану и сиустился внизъ.

Но уснуть ему не удалось: мысли, тревожныя мысли лѣзли къ нему въ голову и мѣшали спать.

XXXIII.

Въ эту же ночь, передъ разсвѣтомъ, Никеша, задремавшій-было на стулѣ, вдругъ какъ-то тревожно проснулся, оглядѣлся и, тихо поднявшись, подошелъ къ больному.

Тотъ спалъ. Дыханіе было ровное. Никеша ни глазамъ, ни ушамъ своимъ не вѣрилъ. Осторожно, съ заморающимъ сердцемъ, прикоснулся онъ рукою ко лбу больного. Лобъ былъ влаженъ и не горячъ. Весь дрожа отъ ка-

кого-то непонятнаго чувства, Никеша на цыпочкахъ прошелъ въ другую комнату, гдѣ на диванѣ, полулежа и совсѣмъ одѣтый, дремалъ докторъ Струмиловъ, оставшійся ночевать на дачѣ.

Струмиловъ, при его входѣ, открылъ глаза.

— Что?—тревожно спросилъ онъ.

— Подите сами, посмотрите!—могъ только выговорить Никеша.

Докторъ быстро всталъ и тоже на цыпочкахъ прошелъ въ комнату больного, едва освѣщенную слабымъ свѣтомъ ночника. Онъ остановился передъ кроватью, потомъ наклонился, дотронулся до лба и руки больного, выбившейся поверхъ одѣяла, потомъ выпрямился, взялъ Никешу за плечо и, крѣпко сдавивъ его, тихо вывелъ его въ свою комнату. Тамъ, при свѣтѣ лампы, Никеша увидѣлъ, что нижняя челюсть доктора дрожить, а глаза полны слезъ.

— Кризисъ! Онъ спасенъ!—выговорилъ Струмиловъ, весь расцвѣтая улыбкой.

А Никеша, едва сдерживая рыданья, обвилъ руками шею доктора и крѣпко-крѣпко поцѣловалъ его прямо въ губы.

— Надо сказать ей,—проговорилъ онъ послѣ этого, весь дрожа отъ радости.

— Можетъ-быть, она спитъ!—сказалъ Струмиловъ.— Не тревожьте ее.

— Нѣтъ! Зачѣмъ? Развѣ это сонъ въ такую ночь? Нѣтъ, надо сказать ей, чтобъ вотъ теперь она спала!—несвязно пробормоталъ Никеша и быстро, но неслышными шагами, побѣжалъ внизъ.

Людмила, все время не смыкавшая глазъ, еще издали слышавъ его, бросилась къ нему навстрѣчу. Блѣдная, съ широко-раскрытыми, испуганными глазами, встрѣтила она его на порогѣ своей комнаты и ни слова, ни звука не могла произнести.

— Кризисъ! Онъ спасенъ! Онъ будетъ жить!—сіяя восторгомъ и трепеща весь, пролетѣлъ Никеша.

— А-а-а!—простонала она и, безильная, опустила на стоявшій возлѣ двери стулъ.

— Онъ весь въ поту!.. Спать... Жару нѣтъ... Дыханіе ровное!—продолжалъ Никеша, стоя надъ ней.

Людмила слушала его и приходила въ себя. Потомъ она протянула руку, охватила ею голову Никешы, наклонила ее къ себѣ и поцѣловала его въ мокрый отъ слезъ глазъ.

— Пойдемъ къ нему!—сказала она, поднимаясь со стула.

— Но онъ спитъ!—запротестовалъ-было Никеша.

— Я не разбужу его!

И они пошли наверхъ.

Войдя въ комнату доктора и выслушавъ еще разъ отъ того подтвержденіе о благополучномъ кризисѣ, Людмила сказала:

— Ну, теперь вы ложитесь спать всѣ. Вы всѣ измаялись, а я пойду къ нему и буду возлѣ него до его пробужденія.

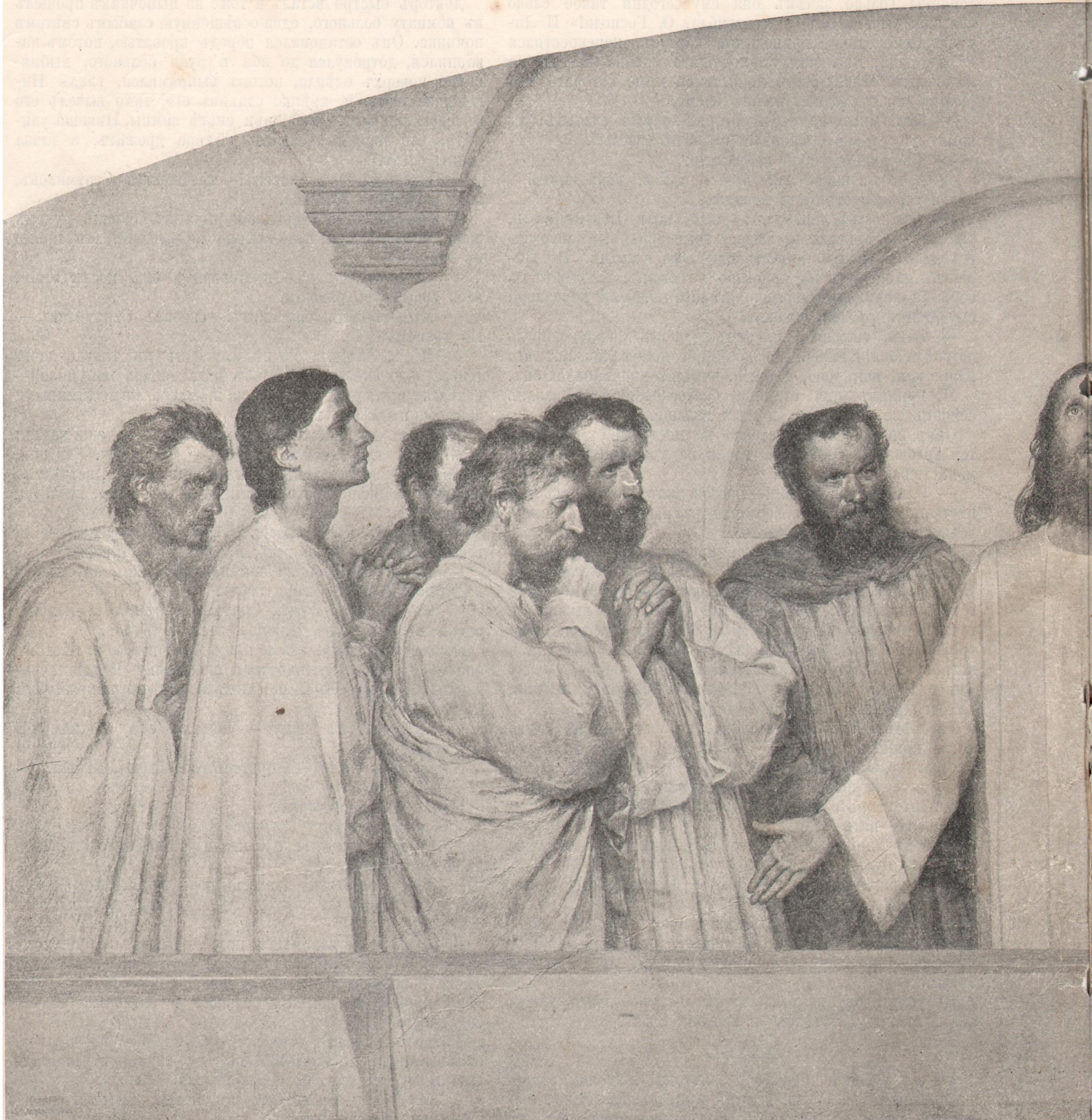
— А вы-то не измаялись, поди?—сказалъ Струмиловъ.

— Э, что объ этомъ говорить! Тутъ, вѣдь, вся моя жизнь воскресаетъ!—проговорила Людмила и тихо, какъ тѣнь, прошла въ комнату больного и затворила за собой дверь.

Убѣдившись сама, что все, сообщенное ей,—правда, она взглянула на висѣвшій въ углу образъ, перекрестилась и потомъ трижды перекрестила больного.

А затѣмъ подошла онять къ иконѣ, опустила на колѣни и стала молиться.

— Боже! Прости мнѣ всѣ сомнѣнія! Прости мнѣ невѣріе мое! Прости мнѣ мою прошлую, грѣшную жизнь!—шептала она, восторженно глядя на едва мерцавшій въ углу образъ.

Тайная Вечеря. Картина

Fig. 100-101

Бернанда, эвт. «Нивы».

На крестѣ.

Очеркъ.

Крестныя страданія Иисуса Христа освятили и сдѣлали символомъ христіанства крестъ—орудіе позорной казни у древнихъ народовъ. То, къ чему люди относились прежде съ ужасомъ и омерзѣніемъ, стало почитаемымъ знакомъ мира, любви и правды. Мы—христіане, привыкшіе съ дѣтскихъ лѣтъ относиться къ кресту съ глубокимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ, не можемъ представить себѣ того отвращенія, которое внушала видъ его людямъ до христіанской эпохи. Нѣчто подобное внушаетъ намъ теперь висѣлица или гильотина. Но эти орудія казни далеко не такъ страшны, какъ страшнѣе былъ крестъ: на висѣлицѣ или подъ топоромъ гильотины люди умираютъ быстро и болѣе или менѣе безболѣзненно, тогда какъ жертвы креста испытывали невообразимыя, неписуемые муки, равныхъ которымъ, пожалуй, не бывало никогда въ мірѣ пытокъ и казней.

Казнь распятіемъ на крестѣ получила свое начало на Востоцѣ, который кстати сказать, во все времена отличался удивительной изобрѣтательностью по части пытокъ и мучительствъ. Не слѣдуетъ думать, однако, что родиною креста была Палестина. Хотя тотъ крестъ, который мы чтимъ теперь какъ символъ христіанства, и былъ водруженъ въ землѣ Иудейской, но крестъ, какъ орудіе казни, былъ придуманъ не иудеями. Во всякомъ случаѣ, онъ не составляетъ спеціальности ихъ карательной системы. Наказаніе распятіемъ практиковалось и въ устьяхъ Ганга, и у столбовъ Геркулесовыхъ, и среди обитателей Индіи, Ирана, Малой Азіи, а также среди ассириянъ, сиріянъ, вавилонянъ, египтянъ и кароагенянъ.

Даже высоко-культурные греки и римляне—большіе поклонники гуманности и права—не пожелали устранить изъ своего карательнаго обихода крестную казнь. И всего хуже было то, что они казнили распятіемъ не только дѣйствительныхъ преступниковъ и закоснѣлыхъ злодѣевъ, но и своихъ военныхъ враговъ, которымъ иной разъ не мѣшало бы, вмѣсто этого, воздать почести за военную доблесть и храбрость. Если еще можно извинить поступокъ побѣдителя при Микале, Ксантинна, распявшаго нѣкоего персидскаго сатрапа за то, что тотъ осквернилъ греческій храмъ, то уже во всякомъ случаѣ никакъ невозможно, съ нашей точки зрѣнія, оправдать Александра Македонскаго, который приказалъ подвергнуть распятію 2.000 обывателей Тиры только за то, что они храбро защищали отъ грековъ свой родной городъ.

Греческая династія Птолемеевъ въ Египтѣ установила тамъ крестную казнь въ видѣ постоянной карательной мѣры, тогда какъ до Птолемеевъ въ Египтѣ распинали очень рѣдко, въ видѣ исключительныхъ случаевъ.

Что касается римлянъ, то казнь чрезъ распятіе существовала у нихъ чрезвычайно давно. Возможно, что она перешла къ нимъ послѣ пуническихъ войнъ, отъ финикійянъ, у которыхъ существовала жестокой обычай распинать полководцевъ, имѣвшихъ несчастье потерѣть поражение. Нѣкоторые писатели даже полагаютъ, что римляне злоупотребляли крестною казнью, какъ никто изъ другихъ народовъ; но это едва ли вѣрно. Дѣло въ томъ, что мы прекрасно, до малѣйшихъ подробностей знаемъ всю исторію и систему римскаго пенитенціарнаго права и, наоборотъ, очень скудно знаемъ уголовное право другихъ древнихъ народовъ. Намъ отлично извѣстно, какъ и при какихъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, обстоятельствахъ примѣнялась эта казнь въ Римѣ; а такъ какъ исторія умалчиваетъ о томъ, какъ практиковалось все это у другихъ народовъ, то поэтому и возникло неправильное обвиненіе римлянъ въ пристрастіи къ крестной казни.

Распятію въ Римѣ подвергались только рабы и некоренные римскіе граждане и притомъ лишь наиболее тяжкіе преступники, изъ ихъ числа: напримеръ, морскіе разбойники или вожаки и подстрекатели возстаній. Настояцій же римскій гражданинъ—«*civis romanus*»—былъ свободенъ отъ подобнаго рода казни и могъ быть казненъ лишь мечомъ, и мы знаемъ изъ Священнаго Писанія, что апостолъ Павелъ былъ обезглавленъ, а не распятъ, только потому, что онъ оказался римскимъ гражданиномъ. Однако, въ глухихъ провинціяхъ, вдали отъ строгаго контроля сената, бывали и злоупотребленія въ этомъ смыслѣ, и распятію на крестѣ иной разъ подвергались даже и настоящіе *civis romani*.

Крестная казнь—наказаніе чрезвычайно древнее. Въ тѣ времена, надъ которыми давно тяготѣетъ мгла забвенія, людей уже распинали на двухъ, перпендикулярно соединенныхъ бревнахъ, привязывая или прибывая имъ руки и ноги къ дереву. Изъ употребленія крестной казни была выведена императоромъ Константиномъ Великимъ, въ 315 году по Р. Х. Напрасно было бы полагать, что поводомъ къ отмініи этой казни послужило отвращеніе или ужасъ предъ ея мучительностью; въ тѣ времена юристы думали, что только тотъ родъ казни и хорошъ, который сопровождается мученіями. Даже въ средіе и—увъ!—въ новые вѣка держался еще этотъ взглядъ; стоитъ вспомнить страшные «процессы вѣдмъ» или казни политическихъ преступниковъ, когда послѣдняя минута казненной жертвы наступала только послѣ тяжкихъ мукъ на крестѣ или колесѣ. Лишь позднѣйшее время принесло новые гуманые взгляды—и лишь теперь стараются отнять жизнь у преступ-

ника какъ можно безболѣзненно и незамѣтно, примѣняя въ этихъ видахъ даже силу электрическаго тока. Лучшіе и достойнѣйшіе изъ криминалистовъ, впрочемъ, давно уже осудили самую смертную казнь.

Итакъ, Константинъ Великій отмінилъ крестную казнь вовсе не изъ гуманности, но по той причинѣ, что для него—христіанина—крестъ сталъ уже священнымъ символомъ, и нельзя было осквернять этотъ символъ, явившійся ему въ ореолѣ видѣнія со словами «симвъ побѣдиши», примѣненіемъ для позорнаго мучительства.

Смертная казнь чрезъ распятіе состояла (по римскому способу) въ слѣдующемъ:

Осужденнаго на такую казнь предварительно бичевали толстыми веревками съ узлами. Бичеваніе производилось такъ усердно, что жертва казни иной разъ не успѣвала испытать, собственно, самую смертную казнь и умирала подъ ударами бичующихъ. Затѣмъ наступала вторая—ужаснѣйшая часть казни. На спину осужденнаго клали толстую перекладину (*patibulum*) и привязывали къ ней его руки въ распростертомъ видѣ. Затѣмъ его вели въ такомъ видѣ по улицамъ къ мѣсту казни и тамъ поднимали вмѣстѣ съ перекладиною на высокий, врытый въ землю, столбъ и прикрѣпляли перекладину къ верхней оконечности столба. Въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ все это сооруженіе имѣло форму буквы Т, и лишь относительно распатія Иисуса Христа существуютъ достовѣрныя указанія на то, что въ послѣднемъ случаѣ былъ водруженъ настояцій крестъ, т. е. перекладина была прибита не сверху столба, а нѣсколько ниже его вершины; сдѣлано это было, какъ извѣстно, для того, чтобы оставить мѣсто надъ главою Спасителя для дощечки съ надписью: «Иисусъ Назорей, Царь Иудейскій».

Послѣ того, какъ осужденный былъ поднятъ на столбъ, его садили на особую, поставленную ребромъ и, кромѣ того, еще заостренную доску («*Sedile*») и прибывали затѣмъ руки и ноги гвоздями къ дереву креста. Съ этого момента и начинались для него невообразимыя муки. «Сядалище», на которое онъ налегалъ всѣмъ своимъ свободно висѣщимъ на гвоздяхъ туловищемъ, разрывало ему мускулы и давило на нервы. Ему невозможно было ни повернуться, ни измѣнить хотя на йоту положеніе своего изнемогающаго тѣла. Раны, причиненныя прибавленіемъ рукъ и ногъ, были страшно мучительны, но не были настолько кровотоочивы, чтобы повлечь за собою быструю смерть отъ потери крови. Палачи старательно обходили во время приколачиванія важныя кровеносныя сосуды, и нужна была или ошибка со стороны палача, или его особое милосердіе, чтобы порвать эти сосуды и причинить распятому скорую и благодѣтельную смерть. Но обыкновенно этого не случалось, и смерть приходила лишь спустя долгое время, послѣ тяжкихъ часовъ мученій, бреда, галлюцинацій.

Подъ лучами знойнаго южнаго солнца, въ ранахъ распятаго скоро начинался воспалительный процессъ и загниваніе, и возникала такъ-называемая травматическая лихорадка. Кровь приливала къ мозгу—и происходили тѣ тяжкія болѣзненные явленія въ головномъ и спинномъ мозгу, которыя хорошо извѣстны врачамъ, ухаживающимъ за ранеными. Конечно, при крестныхъ страданіяхъ эти явленія происходили въ особо обостренной формѣ.

У распятаго наступала бредъ, прерывающійся лишь краткими свѣтлыми промежутками. Смерть наступала въ рѣдкихъ случаяхъ въ тотъ же день. Чаще всего она являлась лишь на слѣдующій сутки, а бывали и такіе ужасные случаи, когда приговоренные на крестѣ мучились въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней! Въ этихъ случаяхъ изъ состраданія къ нимъ допускалось ускореніе конца: обыкновенно, имъ пронзали копьемъ плечевую полость и разрывали при этомъ артерію. Извѣстны также случаи раздробленія голени; но нужно, впрочемъ, думать, что этотъ послѣдній актъ вовсе не былъ актомъ милосердія, а служилъ лишь для отягощенія мученій, такъ какъ при раздробленіи костей ничуть не должно было происходить такого быстраго исчезновенія жизни, какъ при перерываніи артерій. Скорѣе всего это былъ актъ обычнаго въ тѣ времена глумленія надъ умирающими казнимыми.

Такова была та казнь, которой подвергся за грѣхи міра Спаситель. Человѣческая жестокость «свершила въ предѣлѣхъ земномъ все земное», изобрѣти эту адскую казнь. «Прости имъ, Отче! Не вѣдаютъ, что творятъ», молился за своихъ палачей Христосъ. И они, въ самомъ дѣлѣ, не знали, что творили. Они не знали, что вполнѣдствіи страшное позорное орудіе будетъ осіяно лучами вѣчнаго благоговѣйнаго почитанія всего міра, и что предѣлъ для человѣческой жестокости будетъ положенъ именно имъ, этимъ вѣнцомъ человѣческой жестокости! Гдѣ встарину являлся крестъ, тамъ вспыхивала ненависть, и возникало дикое, нечеловѣческое мучительство. А гдѣ нынче является этотъ символъ страданій Христа, тамъ возникаетъ милосердіе, прошеніе и примиреніе, и сияютъ тамъ яркіе лучи вѣчной и неугасимой путеводной звѣзды челоуѣчества—любви къ ближнему.

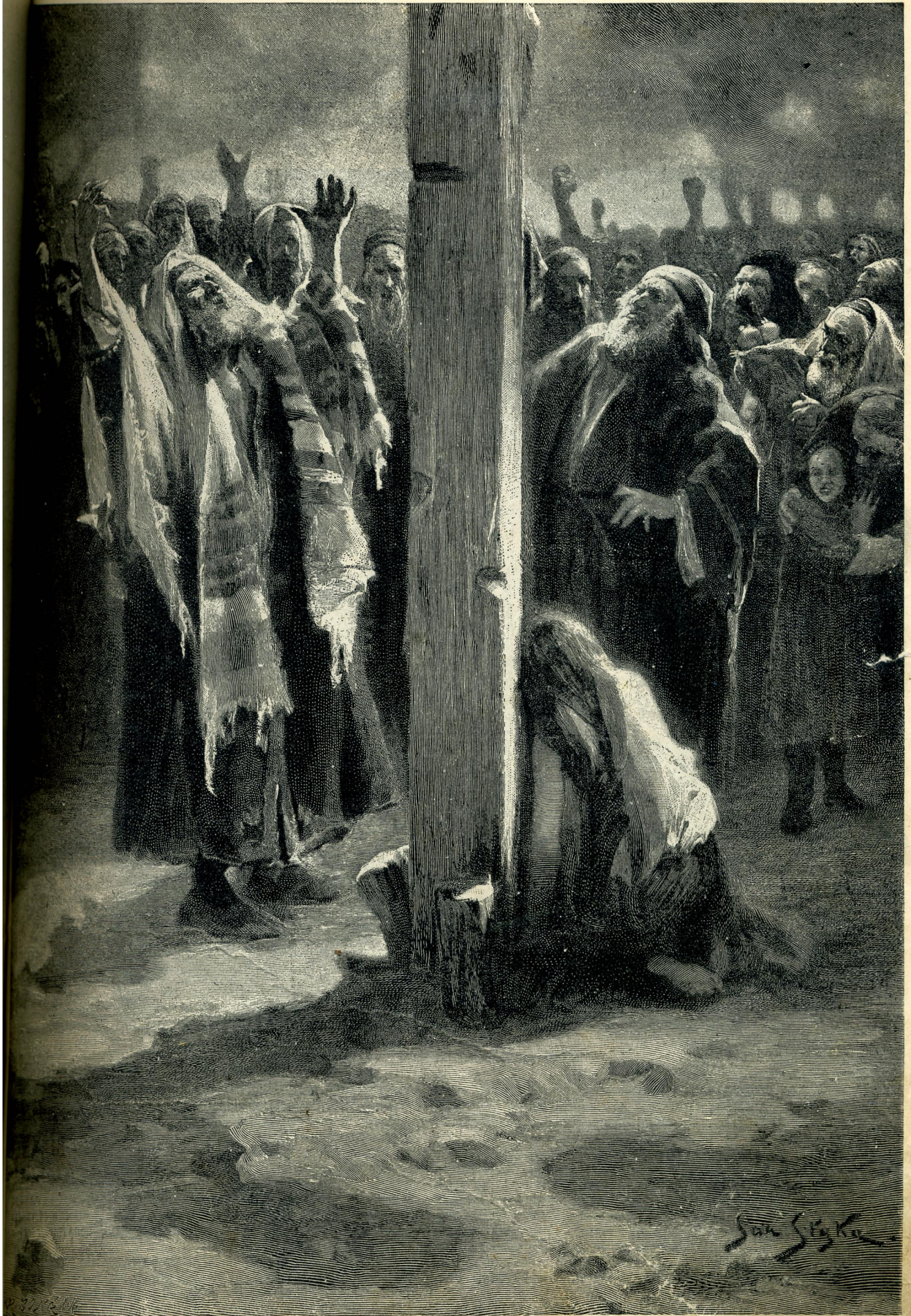

Послѣднія мгновенья земной жизни Спасителя. Картина Ж. Брюэ, авт. «Пиллы».

Положеніе во Гробъ. Картина Пигльгейма, авт. «Нивы».

Любовь и ненависть. Картина Яна Стуйки, грав. Бонгъ.

Ж. Б. Грезъ.

(Очеркъ, съ 4 рис. на стр. 270, 271 и 272).

Кому из нас не приходилось слышать выражений: «грезовская головка», «грезовскія черты лица»? Мы слышали эти выражения в частных бесѣдахъ, читали въ романахъ и повѣстяхъ, и въ нашемъ воображеніи съ ними неразрывно связывается представление о чемъ-то изыщномъ и прекрасномъ, о какой-то особой мечтательной граціи и прелести. Мы видали «грезовскія головки» въ многочисленныхъ репродукціяхъ и снимкахъ, видали ихъ даже въ оригиналахъ, находящихся въ различныхъ картинныхъ галлеяхъ. Но многимъ ли из насъ извѣстно хотя что-либо о жизни и дѣятельности того знаменитаго художника, который создалъ эти головки?

Минувшаго 8-го марта 1905 г. исполнилось сто лѣтъ со дня смерти Жана Батиста Греза. Этотъ, именно, художникъ, сынъ XVIII вѣка, современникъ Дидро и другихъ знаменитыхъ энциклопедистовъ, современникъ французской революціи, и является родоначальникомъ огромной семьи «грезовскихъ головокъ», семьи, которая теперь разбѣяна по всей Европѣ и находится вмѣстѣ съ другими произведениями Греза въ различныхъ картинныхъ сокровищницахъ и въ обладаніи у частныхъ лицъ.

Грезъ представляетъ собою, безусловно, замѣчательное явленіе въ мѣрѣ живописи. Какъ всякій крупный талантъ, онъ въ высшей степени оригиналенъ и своеобразенъ. Въ его многочисленныхъ картинахъ и портретахъ рѣзкими чертами выдѣляется его собственное художественное «я» — и благодаря этой своеобразности, оригинальности и новизнѣ своего таланта, Грезъ создалъ новую школу въ живописи, по крайней мѣрѣ, въ живописи французской. Современники Греза, его собратья по искусству, шеголяли или крайне легкомысленными, и притомъ манерными, произведениями въ фривольномъ духѣ, или изображали безжизненные, псевдо-классическіе манекены въ «возвышенномъ стилѣ». Въ ихъ картинахъ не было ни тѣни той простоты, которая составляетъ истинное свойство творческаго гения, черпающаго свои темы и сюжеты прямо изъ жизни во всей ея простотѣ и естественности. Грезъ переносилъ на свои подотна типы и сцены дѣйствительной жизни и создалъ такъ-называемый «genre rustique» — т. е. то, что извѣстно теперь всѣмъ намъ просто подъ именемъ «жанра»: типы и картины обывденной жизни.

Превосходный жанристъ, Грезъ былъ еще болѣе того превосходнымъ портретистомъ. Онъ, собственно, и началъ свою художественную дѣятельность съ портрета и былъ ученикомъ портретиста. Въ качествѣ портретиста же онъ создалъ огромную галерею своихъ

знаменитыхъ головокъ. Въ этомъ отношеніи значеніе его, какъ портретиста, прямо громадно для того времени: французскіе реалисты, современники и предшественники Греза, мало заботясь о сходствѣ своихъ произведеній съ оригиналами и радясь о томъ, чтобы изображаемые персонажи походили на Мадонну Аполлоновъ, Венеръ и Діанъ. Грезъ же понималъ задачи

Дѣвочка. Картина Ж. Б. Греза, авт. «Нивы».

году. Мѣсто рожденія его не вполне установлено: по однимъ дѣніямъ онъ появился на свѣтъ Божій въ мѣстечкѣ Турнонѣ, другимъ источникамъ — въ Tonneins. Съ самаго ранняго дѣтства дѣдушкой знаменитый художникъ сталъ уже выказывать живую страсть къ рисованію и неохотно занимался другими посторонними дѣлами. Между тѣмъ, отецъ Греза, какъ большинство отцовъ, не сумелъ сразу разгадать истинное призваніе своего сына и настоятельно рекомендовалъ ему учиться торговому дѣлу. Повторилась печальная исторія борьбы «отцовъ и дѣтей», борьбы рутинной и отсталой взглядовъ съ полетомъ и порывами молодого, непризнаваемого оскорбляемаго таланта.

Видя, что ни мольбы, ни угрозы, ни проклятія не могутъ изменить призванія сына, отецъ обратился къ извѣстному любу портретисту, Грандону, съ просьбой обучить Жана Батиста рисованію. И Грандонъ охотно взялъ на себя этотъ трудъ и притомъ безвозмездно.

Судьба улыбнулась Грезу. Попавъ на свою настоящую дорогу онъ сталъ быстро преуспѣвать въ живописи. А затѣмъ испол-

портретной писи иначе, но, какъ и истинный художникъ, реалистъ. Онъ всего вышше не всею правдою, а и не обветшавшей традиціи, а его портреты сходства, выразительности чувства.

Во всѣхъ произведеніяхъ жанра въ картинахъ — Грезъ и муществи является типичной женщины, живописецъ, шпину, въ преданнымъ нигъ и изотель всего что наиболѣе влекательней — ея прѣнжности. Въ его произведеніяхъ мы видимъ, какъ мы видимъ всѣхъ возрѣ и условныхъ то дѣвочку съ лымъ, пухлячкомъ и болѣе задумчивыми замѣ, то молодую дѣвушку, тательницу, надцати лѣтъ, бающуюся и стную, то молодую хозяйку, съвою и любящую жену. И всѣхъ портретовъ и картинахъ, шпину и дѣвушки Греза носить часть цѣломудрой скромности, взглядъ ея съся задумчивостью...

Жанъ Батистъ Грезъ родился въ Турнонѣ, Бургундія, 1726 (или 1727)

Разбитая кружка. Картина Ж. Б. Греза, авт. «Нивы».

Портрет девочки. Картина Ж. Б. Греза, авт. «Нива».

Портрет мальчика. Картина Ж. Б. Греза, авт. «Нива».

лась и другая завѣтная мечта его: онъ попалъ въ «столицу міра» — Парижъ. Грандонъ переѣхалъ туда на жительство изъ Лона и увезъ съ собою своего талантливаго ученика.

Грезъ умѣлъ уже писать портреты. Но ему непремѣнно хотѣлось прославиться въ историческомъ жанрѣ, и для этой цѣли онъ поступилъ въ парижскую академію, гдѣ этотъ жанръ усиленно трактовался въ то время. Онъ прошелъ весь курсъ академіи, усиленно работая надъ собою, вызывая всеобщее удивленіе своимъ вреніемъ.

Но, увы, историческій жанръ ему не давался: онъ все сбивался на простыя формы и линіи. И какъ ни стремился онъ «возвыситься» надъ мелочами будничной жизни, эта жизнь властно руководила кистью Греза.

Строгая академическая школа, при всей своей сухости и безжизненности, принесла Грезу несомнѣнную пользу: она исправила дефекты въ его рисункѣ и помогла ему перейти отъ портретовъ къ сложнымъ композиціямъ съ многими лицами и фигурами. И когда Грезъ выставилъ на судъ профессоровъ свои двѣ первыя жанровыя картины: «Отецъ, объясняющій своимъ дѣтямъ Библию» и «Паралитикъ», то объ эти картины, полныя движенія, драматизма и жизни, вызвали единодушныя похвалы.

Но Грезу все-таки, во что бы то ни стало, хотѣлось сдѣлаться историческимъ художникомъ, и онъ скомпоновалъ крупную картину «Императоръ Северъ и Каракалла». Онъ возлагалъ на нее большія надежды, но картина встрѣтила лишь всеобщія насмѣшки.

Собратья и коллеги Греза заявили ему, что онъ очень хороши, какъ жанристъ, но нигуда не годится, какъ историческій художникъ.

— Природа отказала вамъ въ возвышенности и грандіозности, — говорили они Грезу: — вы не обладаете величавостью стили, которая причисляется исторической живописи! Вашему колориту не хватаетъ твердости, а персонажамъ — благородства и элитанности.

Грезъ былъ очень чувствителенъ къ критикѣ. Онъ захотѣлъ бороться далѣе и поѣхалъ въ Римъ, чтобы тамъ усовершенствоваться у великихъ мастеровъ. Но все усилія его, вся его погоня за «возвышенностью» не привели ни къ чему и способствовали развѣ только тому, что Грезъ утратилъ свою первоначальную оригинальность и сталъ замѣтно манерничать.

Въ его картинахъ появилась нѣкоторая театральность, напряженность и манерность, оставшіяся съ тѣхъ поръ въ его картинахъ навсегда.

Возвратившись въ Парижъ съ «возвышенными» сюжетами и еще разъ потерпѣвъ съ ними неудачу, Грезъ, наконецъ, отказался отъ героическаго стили и сталъ опять тѣмъ, чѣмъ ему и слѣдовало быть, — жанровымъ живописцемъ — и съ этого времени начался для него рядъ блестящихъ успѣховъ.

И собраты Греза по искусству должны были теперь признать, что въ его талантѣ и способностяхъ есть нѣчто высшее, чѣмъ академическая «возвышенность и грандіозность». Во всей дѣятельности Греза и въ его дальнейшей славѣ было въ сто разъ больше и этого блеска и грандіозности, чѣмъ въ произведеніяхъ всѣхъ его критиковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Простота, переходящая чрезъ вѣка, оказалась жизненнѣе и ярче, чѣмъ тотъ возвышенный стили, къ которому такъ тщетно стремился Грезъ.

Сильно помогъ его успѣхамъ знаменитый писатель Дидро, видѣвшій въ живописи Греза отраженіе собственныхъ стремленій къ простотѣ и природѣ. Дидро съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ прославлялъ Греза въ своихъ сочиненіяхъ — и къ Грезу стекались заказчики и поклонники. Извѣстность Греза скоро сдѣлалась европейской.

Темами для своихъ картинъ Грезъ бралъ, какъ уже было сказано, сцены домашней жизни; онъ ввелъ во французское искусство изображеніе жизни буржуазіи и крестьянъ, и хотя нѣсколько идеализировалъ своихъ буржуазныхъ героевъ, но и такія изображенія были новостью для тогдашняго общества.

Такія картины, какъ «Дѣвушка, оплакивающая пращуку», «Разбитый кувшинъ» (одинъ изъ шедевровъ Греза), «Отцовское проклятіе», «Деревенская невѣста», «Наказанный сынъ», «Небла-

годарный сынъ», волновали поклонниковъ Греза, вызывали у нихъ слезы. Грезу была дана великая власть трогать людскія сердца.

Грезъ былъ очень продуктивенъ: онъ создалъ огромное количество картинъ, головокъ и портретовъ. Одна за другою слѣдовали его жанровыя картины: «Обманутый слѣпецъ», «Добрая мать», «Дѣвочка съ собачкой», «Возвращеніе охотника», «Доброе воспитаніе», «Семейный миръ», и т. д. Все эти картины вмѣстѣ съ огромнымъ числомъ головокъ разошлись по музеямъ и частнымъ рукамъ; немало ихъ попало и въ Россію. Въ петербургскомъ Эрмитажѣ хранятся пять картинъ Греза: «Паралитикъ» (сцена изъ домашней жизни), «Голова молодой дѣвушки», «Портретъ молодого человѣка», «Портретъ мальчика» и «Головка молодой дѣвушки». Кромѣ того имѣется собраніе рисунковъ Греза въ петербургской академіи художествъ, а нѣсколько картинъ находятся и у частныхъ лицъ, напримѣръ у кн. Юсупова («Сельскій праздникъ»).

Замѣтимъ кстати, что ученикомъ Греза былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ художниковъ — Лосенко.

Грезъ имѣлъ репутацію добраго, честнаго и умнаго человѣка, хотя и отличался чрезчуръ большимъ самолюбіемъ и неровнымъ характеромъ. Онъ былъ очень несчастливъ въ бракѣ, благодаря отрицательнымъ качествамъ своей супруги. Впрочемъ, несмотря на это, онъ увѣковѣчилъ ее въ большинствѣ своихъ произведеній и даже подвергся за это упреку въ «однообразіи» своихъ сюжетовъ.

Почти всю свою жизнь Грезъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ въ мартѣ 1805 года. Конецъ его жизни былъ очень печаленъ: Грезъ испыталъ жестокаго семейнаго несчастья и къ тому же потерялъ все имущество, отчасти вслѣдствіе разныхъ рискованныхъ предприятий, отчасти вслѣдствіе неурядицъ и бѣдствій революціи. Подъ самый конецъ жизни онъ принужденъ былъ стать пенсионеромъ казны. Когда конвентъ рѣшилъ предоставить заслуженнымъ писателямъ и художникамъ даровыя квартиры, Грезъ получилъ казенное помѣщеніе въ Луврѣ. Тамъ онъ и умеръ 8-го марта 1805 года, почти въ нищетѣ, забытый своими неблагодарными соотечественниками, вкусомъ которыхъ тогда уже успѣлъ завладѣть Давидъ со своимъ холоднымъ напыщеннымъ псевдоклассицизмомъ.

Но прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и ореолъ, нѣкогда окружавшій Греза, снова разгорѣлся яркимъ блескомъ. Современники забыли Греза, но потомки вспомнили его и оцѣнили его талантъ по достоинству. Они оцѣнили и безукоризненный рисунокъ Греза, и его сильный красочный колоритъ, и красоту его линій, а самое главное, ту прелесть, выразительность и грацію, которая Грезъ умѣлъ придавать своимъ произведеніямъ при всей ихъ простотѣ.

Имя Греза стало нарицательнымъ для опредѣленія извѣстнаго понятія красоты, легкой граціозности и мечтательной задумчивости. «Грезовскими головками» любятъ поколѣніе за поколѣніемъ. Мы ищемъ черты ихъ въ чертахъ близкихъ людей и находимъ ихъ даже у лицъ другой національности, чуждой Грезу. Настоятельно жизненны и вѣчны созданные имъ типы.

Нѣсколько слабѣе былъ Грезъ въ композиціи рисунка: несмотря на природенную склонность къ простотѣ и жизненности, онъ часто склоняется къ нѣкоторой изысканности и театральности въ распределеніи группъ и въ позахъ своихъ героевъ. Но этотъ недостатокъ, полученный имъ, какъ мы видѣли, въ погонѣ за ненужной ему возвышенностью, не является существеннымъ и не портитъ его произведеній. Сравнительно болѣе бросается въ глаза сентиментальность и нѣсколько преувеличенная выразительность «головокъ» Греза, но это выкупается ихъ удивительной прелестью и граціозностью.

Грезъ оставилъ двухъ дочерей. Къ обѣимъ изъ нихъ перешелъ талантъ отца, хотя и въ меньшей степени, и онѣ считались хорошими художницами своего времени. Занималась живописью и жена Греза, такъ часто позировавшая ему для его картинъ. Вообще, это была вполне художественная, артистическая семья, къ сожалѣнію, лишь недостаточно дружная.

На родинѣ Греза, въ Турнюсь, воздвигнуть въ честь его въ 1868 году, памятникъ.

6
2

Жюль Вернъ.

(Портретъ на стр. 274.)

Жюль Вернъ! Кому незнакомо это знаменитое имя?

11 марта онъ скончался въ своемъ родномъ городѣ Амьенѣ, во Франціи. Скончался другъ нашей юности, нашъ наставникъ и учитель, рассказывавшій намъ очаровательныя, полныя фантазіи,

остроумія и таланта исторіи и незамѣтно внушавшій намъ любовь къ знанію и стремленіе къ наукѣ!

Онъ былъ поэтомъ науки. Предъ читателями оживали въ его романахъ и небесныя сферы и подводное царство. Онъ умѣлъ

соединить богатѣйшую фантазію съ положительными знаніями и научными данными, и въ этомъ заключается секретъ обаянія его чудесныхъ книгъ. Мало того: онъ даже предсказывалъ въ нихъ то, что для его современниковъ являлось утопіей и красивой химерой, а въ наше время начинаетъ возникать въ дѣйствительности. Таковъ, напримеръ, его знаменитый «Наутилусъ», превратившійся на нашихъ глазахъ въ цѣлую флотилію подводныхъ лодокъ. Таковъ описанный въ одномъ изъ его романовъ аэростатъ, управляемый волею человѣка.

Кромѣ науки Жюль Вернь поэтизировалъ природу. Въ своихъ произведеніяхъ покойный романистъ яркими чудесными красками живописалъ картины природы всего земного шара — отъ тропиковъ до полюса. Но съ особенной любовью, съ особеннымъ подъемомъ творческаго вдохновенія онъ изображалъ море. Лучшій изъ его романовъ: «80.000 верстъ подъ водой» полонъ замѣчательныхъ картинъ, отъ которыхъ вѣетъ мощнымъ дыханіемъ океана, и въ которыхъ неистощимый художникъ показываетъ намъ всѣ тайны морского дна съ его моллюсками, кораллами, чудовищными спрутами и акулами.

Жюль Вернь своими произведеніями создалъ совершенно особый видъ литературы — научный романъ, отразившій въ себѣ цѣлкомъ весь XIX вѣкъ съ его замѣчательными открытіями. И въ этой области покойный романистъ не зналъ соперниковъ. Его послѣдователи не шли дальше подражанія.

Жюль Вернь родился въ 1828 году въ Нантѣ. Въ молодости знаменитый писатель готовился къ адвокатской карьерѣ и, переселившись въ Парижъ, изучалъ тамъ юриспруденцію. Но затѣмъ онъ дебютировалъ въ литературѣ мелкими пьесами и стихотвореніями и мало-по-малу всецѣло перешелъ на литературное поприще. Получивъ мѣсто секретаря Лирическаго театра въ Парижѣ, Жюль Вернь завелъ литературныя знакомства и началъ печатать въ дѣтскомъ журналѣ «Musée des familles» фантастическіе рассказы на научной подкладкѣ. Одинъ изъ такихъ рассказовъ, «Драма въ воздухѣ», былъ замѣченъ не только дѣтми, но и взрослой публикой. Увидѣвъ, что такого рода произведенія нравятся публикѣ, Жюль Вернь написалъ затѣмъ уже большой романъ въ томъ же жанрѣ: «Пять недѣль на аэростатѣ» — и романъ этотъ имѣлъ ослѣпительный успѣхъ, сразу выдвинувшій въ первые ряды скромнаго молодого писателя.

Извѣстный издатель, Гетцель, заключилъ съ Жюль Верномъ условіе, по которому послѣдній обязывался писать для него по два подобныхъ романа въ годъ — и Жюль Вернь свято соблюлъ это

условіе, аккуратно поставляя съ той поры Гетцелю свои замѣчательные романы. Гетцель въ началѣ литературной карьеры Жюль Верна старательно удерживалъ его въ рамкахъ этого творчества и одинъ изъ первыхъ указалъ Жюль Верну, что имъ открытъ новый родъ литературы. Знаменитая писательница Жоржъ-Зандъ тоже поощряла Жюль Верна писать въ этомъ, именно, направленіи и даже, говорятъ, дала ему идею романа «80.000 верстъ подъ водой».

И, вотъ начавши съ воздушныхъ сферъ, Жюль Вернь сталъ вмѣстѣ со своими читателями путешествовать и по землѣ и подъ землею и въ области звѣздныхъ міровъ. Съ «Дѣтми капитана Гранта» онъ объѣхалъ почти весь земной шаръ и наглядно проштудировалъ географію. Въ компаніи Гектора Сервадака онъ побывалъ среди планетъ звѣзднаго міра, съ капитаномъ Гаттерасомъ — въ сѣверныхъ странахъ у полярнаго круга, а съ тремя авантюристами — учеными, имена которыхъ извѣстны каждому гимназисту, пытался даже залетѣть на луну. И вездѣ и всюду фантастическая невьроятность приключеній у Жюль Верна никогда и ни въ чемъ не расходилась со строгою реальностью научнаго разсказа.

Въ 1861 году Жюль Вернь женился и поселился въ г. Амьенѣ, гдѣ и провелъ всю свою остальную жизнь, состоя мунципальнымъ совѣтникомъ этого города и создавая, что ни годъ, новые романы.

Всѣ путешествія и фантастическія приключенія созданы имъ въ спокойномъ кабинетѣ, и только своей неистощимой фантазіей Ж. Вернь обязанъ своимъ творчествомъ,

потому что онъ самъ никуда не ѣздилъ, а лишь усердно изучалъ географію Реклю. За 77 лѣтъ своей жизни онъ написалъ около сотни романовъ, большинство которыхъ переведены на всѣ европейскіе языки.

Нужно ли упоминать его хотя бы наиболѣе извѣстные романы? Ихъ названія и безъ того всѣмъ хорошо извѣстны. Скажемъ лишь, что лучшими произведеніями Жюль Верна по справедливости слѣдуетъ считать: «80.000 верстъ подъ водой», «Дѣти капитана Гранта», «Путешествіе капитана Гаттераса» и «Гайнственный островъ» — это чудесное переложеніе безсмертнаго Робинзона Крузо на новыя научныя и бытовыя данныя.

Успѣхъ романовъ Ж. Верна дѣлилъ съ нимъ и талантливый иллюстраторъ его произведеній, художникъ Ріу. Стоитъ вспомнить его прекрасныя по фантазій и исполненію иллюстраціи къ «80.000 верстъ подъ водой», чтобы согласиться съ

Жюль Вернь († 11-го марта 1905 г.).

По грав. Ш. авт. «Нивы».

этим. Къ сожалѣнію, въ позднѣйшихъ русскихъ изданіяхъ Ж. Верна эти иллюстраціи уже отсутствуютъ.

Помянемъ же добромъ покойнаго писателя! Для Россіи, для русскаго юношества онъ въ особенности былъ незамѣнимъ и дорогъ. Въ нашихъ школахъ естествознаніе или совсѣмъ отсутствуетъ, или же поставлено крайне плохо. Бездарное, сухое преподаваніе естественной исторіи, обыкновенно, только убиваетъ въ дѣтяхъ

любовь къ природѣ и къ наукамъ. Но, вотъ, къ нашимъ школьникамъ являлся Жюль Вернъ, говорилъ имъ о чудесахъ природы и незамѣтно, но настойчиво воспитывалъ въ нихъ священную любовь къ знанію. И въ этомъ-то внѣшкольномъ влияніи на умъ и воображеніе нашей молодежи и заключается огромное воспитательное значеніе Жюль Верна для всѣхъ насъ.

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Мукденскій бой.

1. Полковникъ Лешъ.

Началомъ мукденскихъ операцій можно считать тотъ моментъ, когда 1-й восточно-сибирскій корпусъ былъ перебросенъ съ крайняго праваго фланга на лѣвый—изъ состава второй арміи—въ первую. Быстрый переходъ корпуса съ обозами доказалъ, что части нашей арміи могутъ съ успѣхомъ передвигаться, когда это нужно, но въ данномъ случаѣ это оказалось нужнымъ лишь въ восьмой части, такъ какъ изъ восьми полковъ лишь одинъ 2-й полкъ былъ пущенъ въ дѣло, а остальные семь полковъ, проводивъ своего соратника, были немедленно возвращены обратно.

Тѣмъ временемъ Ноги со своей арміей, пользуясь ослабленіемъ нашего праваго фланга, сдѣлалъ рискованное, но весьма рѣшительное обходное движеніе, что и было причиной мукденской развязки.

Послѣ Сандену взоры всѣхъ слѣдившихъ за военными операціями обращались все къ тому же Сандену, овладѣніе которымъ было необходимо. Вся мѣстность была прекрасно освѣщена люксембургскимъ отрядомъ. Медленно и систематично мы загибали нашимъ правымъ флангомъ, подвигаясь къ линіи желѣзной дороги. Первая неудача въ овладѣніи Сандену, причину которой разяснить лишь исторія, не охладила надеждъ и стремленія овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ. Нужно замѣтить однако, что начало движенія къ Сандену было выполнено блестяще. Деревни Хэгоутай и Хуанлагодзе, въ тылу Сандену, были взяты 1-мъ и 2-мъ полками такъ неожиданно и стремительно, что плѣнные японцы съ удивленіемъ спрашивали, какъ могли мы туда пробраться.

34-й полкъ (1-го корпуса) занялъ деревню Тугайдзы. 8-й корпусъ захватилъ деревню Бейтадзы и линію деревень отъ Джантаня до Маландяна. Отрядъ Мищенко въ это время направился на деревни Суэрпу и Ландогу, произведя смѣненіе въ тылу у неприятеля.

Японцы тѣмъ временемъ опомнились и къ утру 15-го января большими силами начали наступленіе на нашу линію Хэгоутай—Дзюайхезде. 1-й корпусъ (1-я и 9-я дивизіи) занялъ оборонительное положеніе у этихъ деревень, и всѣ стремительныя атаки неприятеля были отбиты. Войска готовились къ бою на слѣдующій день и приводили занимаемые ими позиціи въ оборонительное положеніе.

Но... ночью было получено приказаніе отступить... Операція была признана рискованной и неудачной...

1-й и 2-й полкъ, отойдя къ сѣверу, стали резервомъ въ деревнѣ Падьянтай.

Со дня на день ждали вторичнаго наступленія на Сандену. Топографы усиленно работали въ районѣ, прилегающемъ къ неприятельскимъ позиціямъ. Съ воздушнаго шара дѣлались весьма удачныя фотографическія снимки окрестностей Сандену. Но въ то же время люксембургскій отрядъ былъ расформированъ.

Въ началѣ февраля, ожидая на правомъ флангѣ событій, я прибылъ въ Падьянтай. До этого времени я прожилъ недѣлю три на востокѣ въ Фушунскихъ копяхъ. Собранныхъ здѣсь матеріаловъ мнѣ не удалось обработать, такъ какъ обстоятельства принудили меня сдѣлать на правый флангъ. Въ моихъ путешествіяхъ мнѣ пришлось испытать всевозможные способы передвиженія. Въ Фушунѣ, гдѣ въ то время стояли сильные морозы, моя кавалерійская лошадь пала, и нѣкоторое время я ѣздилъ на верблюдѣ, которымъ меня снабдилъ начальникъ охраны фушунской вѣтки ротмистръ Д. Лоховъ. Приходилось путешествовать въ угольныхъ вагонахъ и на остановкахъ иногда по цѣлымъ суткамъ проживать въ такомъ помѣщеніи при пятнадцатиградусномъ морозѣ.

Въ Чансаматунѣ я соединился съ фотографомъ главнокомандующаго, попутчикомъ на правый флангъ, А. Ивановымъ, у котораго была казенная двуколка. Въ Суятунѣ мы отъ уральскихъ казаковъ получили людей и лошадей и двинулись на сѣверо-западъ навстрѣчу нестерпимому морозному вѣтру.

Въ Суятунѣ казаки живутъ въ оригинальныхъ для манчжурскихъ полей киргизскихъ юртахъ изъ оленьихъ шкуръ. Эти юрты, въ видѣ пробы, доставлены сюда для Краснаго Креста, но доктора предпочли имъ теплыя палатки.

8-го февраля вечеромъ мы прибыли въ Падьянтай. Это громадная деревня, въ которой свободно размѣстились два полка съ артиллеріей и обозами. Она, какъ и всѣ деревни въ районѣ военныхъ дѣйствій, приведена въ оборонительное положеніе—ея стѣны зияютъ рядами бойницъ, но не въ видѣ зубцовъ, какъ дѣлалось прежде, а въ видѣ отверстій, что много предохраняетъ отъ огня голову стрѣлка.

Въѣхавъ въ деревню, мы съ Ивановымъ отыскивали фанзу завѣ-

дующаго хозяйствомъ 1-го полка, нашего общаго знакомаго подполковника Плѣшкова, и, не дожидаясь приглашеній, въѣхали во дворъ, занятый повозками, лошадьми и денежнымъ ящикомъ полка.

Въ фанзѣ было темно. Господа офицеры, которыхъ потомъ оказалось восемь человекъ, спали на канахъ.

Мы окликнули подполковника и услышали его сердитый спросонья голосъ.

— Кто тутъ? Гости? Тоже принесла нелегкая... Не дадутъ людямъ поспать... Да говорите, кто такіе?.. Впрочемъ, все равно... Иванъ!!! — гаркнулъ онъ такимъ громовымъ голосомъ, что бумага въ окнахъ затрещала, а остальные лежащіе на канахъ зашевелились и стали подыматься.

Пришелъ Иванъ.

— Раздѣвай ихъ высокоблагородія и давай водку, закуску и вообще ужинъ... Понялъ?

— Такъ точно, понялъ...

А. Плѣшковъ—идеальнѣйшій завѣдующій хозяйствомъ, большой хлѣбосоль, острякъ и общій любимецъ въ полку.

— Узнаю васъ по голосу,—обратился онъ ко мнѣ.—Вы, конечно, будете ночевать?

— Не только ночевать, но даже рассчитываю у васъ поселиться на неопредѣленное время.

— Чудесно. Въ такомъ случаѣ вотъ ваше мѣсто — рядомъ со мной, аршинъ въ ширину, для вашей комплекціи этого достаточно. Вашими сосѣдями будутъ кролики, которыхъ оставилъ въ мое владѣніе китаецъ—хозяинъ этой фанзы. Они меня грѣютъ. Впрочемъ, одного изъ нихъ я могу вамъ уступить для того же употребленія.

Нашъ разговоръ поднялъ остальныхъ офицеровъ. Принесли огонь. На столѣ появились металлическія тарелки, кружки вмѣсто стеклянной посуды, дымящіяся сковороды, жестянки консервовъ и прочія яства, свидѣтельствовавшія о полномъ благоденствіи полка въ резервѣ.

Еще не сѣли ужинать, какъ пришелъ ординарецъ отъ командира полка, который, узнавъ о моемъ прибытіи, просилъ меня къ себѣ.

Имя полковника Леша, несмотря на его невысокій чинъ, — извѣстно всѣмъ. Номинально онъ командиръ 1-го Его Величества восточно-сибирскаго стрѣльцова полка, но на дѣлѣ онъ уже съ Айсандяна командуетъ то бригадой, то отрядомъ въ нѣсколько полковъ. Всѣ знающіе его, какъ боевого начальника, признаютъ за нимъ крупное военное дарованіе, и товарищи искренно желаютъ поскорѣе видѣть его командиромъ дивизіи и корпуса, но уставъ чиновпроизводства держитъ его въ узкихъ рамкахъ, потому что онъ... молодъ.

Лешъ—высокаго роста, плотнаго сложенія. Его портреты не могутъ дать о немъ понятія, потому что для этого пришлось бы снимать его въ бою. Въ мирной обстановкѣ это скромный и даже застѣнчивый человекъ. На собесѣдника онъ смотритъ голубыми глазами, въ которыхъ свѣтится нѣжная доброта прямодушнаго и честнаго человека. При такой обстановкѣ трудно повѣрить, что этотъ тяжеловатый на видъ добрякъ обладаетъ громадной силой воли, неутомимой энергіей и умѣетъ повелѣвать, какъ истый боевой начальникъ.

Но стоитъ заговорить съ нимъ о военномъ дѣлѣ, и онъ преобразается. Онъ хватается карту, разбираетъ позиціи, рѣшаетъ тактическія задачи, горячится, увлекается, и вы видите въ немъ глубокую страсть, которая владѣетъ всѣмъ его существомъ и для которой онъ готовъ жить и умереть.

Ординарецъ повелъ меня по длиннымъ улицамъ деревни, соединеннымъ въ обширныя площади. Во дворахъ свѣтились костры, солдаты разогрѣвали чай. Откуда-то доносилось пѣніе вечерней молитвы.

Пройдя около версты (многія китайскія деревни превосходятъ по величинѣ наши провинціальныя города), мы наконецъ завернули въ обширный дворъ. У чистой небольшой фанзы ходитъ караульный, охраняющій полковое знамя, которое хранится въ комнатѣ, занимаемой командиромъ.

Леша я засталъ во второмъ отдѣленіи фанзы, гдѣ на китайскомъ столѣ разложены были карты, и онъ, нагнувшись, ихъ рассматривалъ. Мы обнялись, какъ друзья, сблизившіеся уже давно, считая годами мѣсяцы тяжелой боевой жизни.

Онъ попрекнулъ меня, что я не былъ въ дѣлѣ у Сандену, но тутъ же, потирая руки, прибавилъ, что повидимому скоро ихъ двинутъ опять туда же. Стуча своимъ пудовымъ кулакомъ по картѣ, онъ сталъ доказывать необходимость овладѣнія Сандену.

Я слушалъ его внимательно, но, наконецъ, какъ человекъ штатскій, къ Сандену нѣсколько охладѣлъ, а, какъ человекъ голодный, вспомнилъ, что я два дня не обѣдалъ.

— Скажи пожалуйста, Леонид Вильгельмович, — промолвил я, осторожно удерживая его жестикуляцию: — для кого там в комнату приготовлены ужин?

— Ах, ты еще не ѡль?

— Собственно говоря, въ последний раз я ѡль третьего дня...

— Что-жь ты сразу не сказал!

Онъ громко расхохотался, свернул карты и сразу превратился въ добрѣйшаго хозяина.

— У насъ все есть, и печенье къ чаю, и сладости, и всевозможные консервы — все подарокъ главнокомандующаго въ день полкового праздника. До сихъ поръ не можемъ добыть.

Узнавъ, что я остановился у подполковника Плъшкова, онъ рѣшилъ, что мнѣ тамъ будетъ и тѣсно, и неудобно.

— Ординарецъ! — крикнулъ онъ.

Появился бравый ординарецъ, одинъ изъ его двѣнадцати молодцовъ.

— Принести сюда вещи ихъ высокоблагородія. Кровать, если есть.

Я скромно заявилъ, что у меня не кровать, а спальный резиновый мѣшокъ.

— Тащи мѣшокъ. Но все-таки лучше захвати въ лазаретъ носилки. Прямо на канѣ будетъ жарко.

Я рѣшилъ побѣдить свою мнительность и спать на носилкахъ, на которыхъ умеръ не одинъ раненый.

— Покуда возможно имѣть удобства, — прибавилъ Лешь: — ты будешь ихъ имѣть... а тамъ, если двинемся впередъ — ужъ не взыщи. Во всякомъ случаѣ хуже, чѣмъ мнѣ, тебѣ не будетъ.

Съ этого дня и въ течение пятнадцати дней не разставался съ Лешемъ и его полкомъ. Выѣсть сдѣлали походъ на востокъ и вмѣстѣ были въ бояхъ подъ Мукденомъ.

Впечатлѣнія этихъ ужасныхъ дней я могъ начать описывать лишь недѣлю спустя послѣ отступленія отъ Мукдена. Ни Ташичао, ни Ляонъ не идутъ въ сравненіе съ тѣми испытаніями, которыя мы пережили въ февральскіе дни. Въ оправданіе запоздалости моей корреспонденціи замѣчу, что я былъ настолько потрясенъ физически и нравственно, что недѣлю пролежалъ въ полусознательномъ состояніи. Слова: «надо видѣть своими глазами, чтобы имѣть понятіе» — болѣе всего приѣмимы къ минувшимъ событіямъ.

— Постараюсь, насколько хватить силъ, описать все то, что мы здѣсь видѣли и испытали...

II. Въ ожиданіи.

10-го февраля въ Падьянтай пріѣхалъ Куропаткинъ. Объ этомъ было объявлено наканунѣ, и солдаты цѣлый день занимались чисткой улицъ и площадей деревни. Два полка и артиллерія были построены на большой площади. Раньше пріѣхало въ коляскахъ духовенство съ отцомъ Голубевымъ во главѣ, и было отслужено молебствіе. Когда эта половина торжества окончилась и духовенство отправилось въ помѣщеніе, гдѣ готовился завтракъ, прибылъ въ коляскѣ Куропаткинъ. Онъ расцѣловалъ Леша, который командовалъ парадомъ, обошелъ войска, здоровался съ ними, благодарилъ за службу, и затѣмъ, выйдя на середину площади, собралъ кругомъ себя офицеровъ и сказалъ рѣчь. Онъ говорилъ о долѣ при Сандену. По его словамъ, операція была неудачна по винѣ частныхъ начальниковъ. «Мало одной храбрости — нужно и искусство», — замѣтилъ онъ поучительно. Офицеры молча внимали, но вопросъ о томъ, кто собственно долженъ быть первымъ искусникомъ, остался открытымъ. «Дѣло у Сандену, — заключилъ главнокомандующій: — было разыграно противъ моего желанія».

Этимъ закончилась официальная часть торжества. Затѣмъ въ одномъ изъ лучшихъ домовъ былъ приготовленъ завтракъ кухней главнокомандующаго, которая прибыла рано утромъ.

Завтракъ, на который были приглашены начальники отдѣльных частей, продолжался недолго, и Куропаткинъ уѣхалъ, ни словомъ не намекая на причину своего пріѣзда, но среди офицерства чувствовалось, что и молебствіе, и пріѣздъ Куропаткина имѣли значеніе напутствія къ наступленію.

Секретъ для войскъ и офицеровъ былъ, такимъ образомъ, вовсе не секретомъ и для нихъ, и для окрестныхъ китайцевъ, которые были свидѣтелями торжественнаго объѣзда войскъ главнокомандующимъ и религиозныхъ приготовленій.

Настроеніе среди офицеровъ было самое радостное. Неподвижное стояніе и отсутствіе давно ожидаемыхъ успѣховъ заставляло всѣхъ радоваться наступленію, въ близости котораго никто не сомнѣвался.

Лешъ былъ въ восторгѣ. Послѣ отъѣзда Куропаткина, у него въ фанзѣ собрались офицеры, для того, чтобы, какъ онъ говорилъ, «докончить завтракъ». Пришелъ Сычевскій, только-что произведенный въ генералы, корректный и сдержанный, пришелъ Гамзинъ, также на-дняхъ получившій артиллерійскую бригаду, подковникъ Новосельскій — одинъ изъ симпатичнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, командиръ 2-го полка, полковникъ Ивановъ и многіе изъ офицеровъ 1-го полка.

Появилось шампанское, полились рѣчи, полныя увѣренности и стремленія впередъ.

— Позжайте къ Гернгроссу! — предложилъ Лешъ, когда бокалы (виноваты — жестяныя кружки) были осушены.

Въ пять минутъ намъ приготовили лошадей. Появился оркестръ музыки, и мы поѣхали по деревнѣ. Солдаты выскакивали изъ фанзъ, вѣхали на заборы и криками «ура» встрѣчали своего любимаго командира. Кто бы могъ думать, что изъ этого браваго сплоченнаго полка черезъ двѣнадцать дней останется сто шестидесять человѣкъ...

При выѣздѣ изъ деревни, музыкантовъ оставили, потому что до штаба корпуса было шесть верстъ, и мы поѣхали рысью. Въ одной деревнѣ съ командиромъ корпуса помѣщались 3-й и 4-й полки. Тутъ адъютантъ Леша взялъ новый оркестръ музыки, мы торжественно вѣхали во дворъ фанзы генерала и выстроились въ рядъ для салюта. Оркестръ заигралъ маршъ Гернгросса. Въстовые попрятались при видѣ такого неожиданнаго нашествія. Но вотъ вышелъ изъ фанзы генералъ Бринкенъ, начальникъ штаба корпуса, и заявилъ, что командиръ корпуса боленъ и лежитъ въ постели.

Мы собирались уже возвратиться вслѣдъ, но дверь фанзы опять отворилась, и показалась фигура генерала Гернгросса.

Всѣ салютовали шапками, а я, за неизмѣнимъ таковой, сдѣлалъ это своимъ металлическимъ стativомъ отъ фотографическаго аппарата.

— Скандалисты! Безобразники! — кричалъ генералъ. — Не хотите давать мнѣ болѣть! Такъ слѣзайте съ коней и ползайте въ хату!..

Мы вошли въ фанзу, гдѣ въ тѣнотѣ едва могли размѣститься. Генералъ, чувствовавшій себя нехорошо, оживился и увѣрялъ, что очень радъ, что мы помѣшали ему расхвораться. Въ сосѣдней фанзѣ, болѣе обширной, былъ приготовленъ ужинъ на нѣсколькихъ составленныхъ столахъ. Мы перешли туда и просидѣли тамъ до поздней ночи.

Оживленіе и приподнятость настроенія этого дня не прекращались. Сослѣсь люди однихъ взглядовъ и одного общаго чувства. Генералъ Гернгроссъ — одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые умѣютъ быть и строгимъ командиромъ и товарищемъ для своихъ подчиненныхъ. Въ бесѣдѣ онъ неистощимъ на шутки и остроты. Генералъ Бринкенъ — совершенная противоположность ему въ этомъ отношеніи. Онъ сдержанъ и взвѣшиваетъ каждое свое слово. Онъ предпочитаетъ серьезную бесѣду. Это — типичный и талантливый начальникъ штаба. Недаромъ его авторитетнымъ словомъ дорожить высшее военное начальство.

Время шло незамѣтно. Безконечные рѣчи и тосты.

— Оставьте насъ, стариковъ, въ покоѣ! — говорилъ Гернгроссъ послѣ неоднократныхъ тостовъ въ честь начальствующихъ. — Пусть здоровье молодыхъ и младшихъ офицеровъ, которые всегда впереди насъ... за подвиги которыхъ мы, старые инвалиды, получаемъ и славу, и награды!..

— Ура! — пронеслось по фанзѣ и отозвалось на дворѣ и въ сосѣднихъ дворахъ, гдѣ толпились солдаты.

Лешъ тоже началъ говорить, но ему уже не дали продолжать и подняли «на ура»...

Наконецъ, мы собрались въ обратный путь. Темная безлунная ночь. Дворъ освѣщали фонарями, покуда намъ подводили лошадей.

Поѣхали шагомъ по колѣчимъ галюновымъ полямъ, потому что въ темнотѣ трудно было разобратить дорогу.

— Чье-то стремя звякнуло о мое, и чья-то полновѣсная рука хлопнула меня по плечу. По голосу и узналъ Леша.

— Диспозиція готова, — говорилъ онъ шепотомъ... — Вѣроятно, завтра мы выступаемъ...

Въ его голосѣ слышалась безконечная радость.

Пріѣхавъ домой, мы немедленно расположились на покой на хорошо нагрѣтыхъ канахъ. Мои носилки были поставлены на канѣ рядомъ съ походной постелью бригаднаго ординара Леша, поручика Дашкина. Этого идеальнаго ординарца небольшого роста худощавый офицеръ, вѣчно носился во время похода на своемъ мохнатомъ, какъ дворовый барбосъ, иноходцѣ и былъ положительно вездѣшущъ. Товарищи и начальство звали его Нюрой. Онъ пріѣхалъ только сегодня съ сѣвера, куда ѣздилъ по порученію Гернгросса, и былъ очень радъ, что поспѣлъ къ выступленію.

Лешъ, отъ котораго Дашкинъ не отлучался ни днемъ, ни ночью, и я въ все время десятидневнаго похода составляли нераздѣльное тріо. Милѣйшій Нюрочка былъ моимъ союзникомъ въ борьбѣ съ Лешемъ изъ-за куренія табаку.

Полковникъ, мало того, что самъ не курилъ — онъ положительно не выноситъ, чтобы другіе курили въ его помѣщеніи. Въ фанзѣ у него вывѣшено объявленіе: «курить строго воспрещается». Если случалось, что гости накурятъ въ его фанзѣ, онъ звалъ вѣстовыхъ и приказывалъ при двадцатиградусномъ морозѣ открывать рамы.

Такое же отвращеніе онъ питаетъ и къ спиртнымъ напиткамъ. Это не мѣшаетъ однако распространенію о немъ нелѣпыхъ сплетенъ, какъ о-величайшемъ пьяницѣ. Это чистѣйшій вымыселъ. Въ обществѣ офицеровъ, гдѣ онъ слышитъ милыя его сердцу рѣчи, онъ всегда готовъ кутнуть, чтобы поддержать настроеніе, и въ эти минуты онъ выпьетъ не только вина, но и бутылку чернилъ. Въ обыденное же время всякія бутылки возмущаютъ его однимъ своимъ видомъ и на столѣ никогда не появляются.

На другой день, 11-го февраля, по пыльнымъ улицамъ Падьянта скакали ординарцы. Ничего не было объявлено, но всѣ чувствовали близость выступленія. Солдаты собирали бѣлье, развѣшенное по всѣмъ дворамъ, обозы приводились въ порядокъ. Получились изъ Матурона новыя карты окрестностей Сандену, и Лешъ цѣлый день подписывалъ бумаги, отдавалъ распоряженія по бригадѣ или, наклонившись надъ картами, изучалъ полученную диспозицію.

Вечеромъ было объявлено офицерамъ, что выступленіе назначено завтра, 12-го, въ 6½ часовъ утра.

Лешъ, входившій во всѣ мелочи, кромѣ прочихъ распоряженій попросилъ къ себѣ старшаго врача Дм. Дм. Вигелева для обсужденія вопроса о расположеніи перевязочнаго пункта. Этимъ закончился день. Пришелъ ординарецъ поручикъ Дашкинъ, и мы уже

Одинъ изъ способовъ моихъ передвиженій.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

собирались ложиться спать, когда принесли изъ штаба корнуса телефонограмму, что выступленіе отменяется.

Это извѣстіе пришлось не по душѣ Лешу. Мы потолковали минутъ десять въ ожиданіи, покуда вѣстовые опять раскладывали уже нагруженные на повозки походныя кровати, такъ какъ эту ночь мы рассчитывали спать прямо на канахъ. Опять мирная, удобная сравнительно обстановка.

Падьянтай заснулъ. Только мимо оконъ раздаются мѣрные шаги часового.

Мы съ Нюрочкой выкурили втихомолку по папироскѣ и потушили свѣчу. Но намъ такъ и не пришлось уснуть.

Часа въ три у вѣстовыхъ послышались голоса, и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ одинъ изъ нихъ, зажегъ спичку и подаль Дашкину бумагу. Телефонограмма. Нюрочка спросонья долго читала ее.

— Что за чортъ, — промолвилъ онъ шопотомъ: — ничего не понимаю. Или я еще не совсѣмъ проснулся. Можетъ-быть, вы прочтете... — и онъ протянулъ мнѣ бумагу.

Мы зажгли свѣчу. Въ приказѣ значило: «Въ 6 часовъ утра выступить для слѣдованія на востокъ на крайній лѣвый флангъ...»

— Придется будить полковника, — сказала Нюрочка, вставая съ постели.

Но Лешъ уже проснулся.

— Что тамъ такое? — сердито отозвался онъ.

Бумага прочитана и отослана командиру 2-го полка и командирамъ батарей для подписи.

Было уже не до сна. Еще до разсвѣта начались сборы. Нюрочка уже сидѣла на своемъ монгольѣ и носилась по улицамъ Падьянтай, назначая порядокъ и мѣсто движенія колоннъ.

Полковникъ Лешъ въ Падьянтаѣ.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

На треугольной площади деревни, поднимая неимоверную пыль, собирались батальоны, артиллерія и пулеметы и постепенно вытягивались на дорогу.

Во дворахъ шныряли синія фигуры китайцевъ, которые во время занятія нами деревни были выселены, а теперь неожиданно откуда-то явились въ свои разоренныя жилища.

III. Суворовскій переходъ.

Корпусъ шель двумя дорогами, 9-я дивизія — нѣсколько правѣе нашей 1-й дивизіи. Дуль сильный сѣверо-западный вѣтеръ, поднимая въ равнинѣ неимоверную пыль. Временами приходилось буквально выплевывать ее изо рта. Въ этотъ день назначено было пересѣчь линію желѣзной дороги, дойти до станціи восточной вѣтки — Гудзядзы. Остановки дѣлались на нѣсколько минутъ, для того лишь, чтобы подтянуться колоннамъ. Офицерскія кухни ѣхали въ обозѣ. Объ обѣдѣ нечего было и думать. На какомъ-то вьючномъ осликѣ, принадлежавшемъ одному изъ офицеровъ, нашлась закуска — кусокъ соленой кѣты — нѣчто въ родѣ семги. Японскимъ штыкомъ рѣзали эту рыбу и ѣли въ ручную.

Этой закуской не столько былъ утоленъ голодъ, какъ возбуждена жажда. Утолить ее приходилось весьма сомнительной водой изъ засоренныхъ попутныхъ колодезевъ.

Около 4-хъ часовъ дня, мы проходили довольно близко къ линіи нашихъ позицій, гдѣ въ это время шель артиллерійскій бой. Линія огня тянулась на довольно большое пространство, и, когда стала сгущаться вечерній туманъ, весь южный небосклонъ свѣтился разрывами шрапнелей. Гулъ орудій затихъ съ наступленіемъ темноты. Мы въ это время пересѣкали линію желѣзной дороги. Къ ночи морозъ сталъ

При такихъ условіяхъ мнѣ приходилось работать.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

усиливаться, а движеніе, влѣдствіе темноты, все болѣе и болѣе затрудняться. Я отыскалъ коляску Леша и сѣлъ въ нее, закутавшись въ полушубокъ. Батальоны стояли на мѣстѣ. Утомленные люди ложились на землю.

Прошло минутъ двадцать, какъ за мной прискакалъ ординарецъ съ лошадей, присланный Лешемъ.

— Ваше высокоблагородіе, чаю, можетъ, желаете... Командиръ прислалъ за вами лошадь.

Никакое извѣстіе не могло бы быть пріятнѣе этого.

Сажусь на лошадь, и въ темнотѣ, съ ординарцемъ впереди, едва пробираемся между лежащими тѣлами солдатъ. Видны огни станціи Сухатунь — ставки главнокомандующаго. Обѣзжаемъ его громадный поѣздъ съ вагонами, освѣщенными электричествомъ, какъ бальные залы столичнаго дома, и, наконецъ, останавливаемся у небольшого новоотстроеннаго барака, съ вывѣской «Столовая для гг. офицеровъ».

Внутри — просторное чистое помѣщеніе съ керосиновыми лампами. Стѣны украшены драпировками краснаго гумача.

За столомъ уже сидитъ вездѣущій Нюрочка и пьетъ чай. Тутъ же нѣсколько офицеровъ 1-го полка и другихъ частей. Лешъ только-что вышелъ, чтобы распорядиться въ суматохѣ движенія. Наскоро пьемъ нѣсколько стакановъ горячаго чая. Нюрочка выбѣгаетъ нѣсколько разъ и, наконецъ, начинаетъ торопить. Колонны двинулись. Офицеры выходятъ. Спрашиваемъ у подававшихъ чай солдатъ, сколько съ насъ слѣдуетъ, и получаемъ отвѣтъ.

— Ничего-съ, это отъ главнокомандующаго...

Полковник Лешь впереди своего полка и его адъютантъ поручикъ Никитинъ.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Вскакиваем на лошадей и ѣдемъ въ догонку полка, обгоняя обозы. Много двуколокъ поломано и валяется на дорогѣ, тормозя движеніе. Ихъ разгружаютъ и стаскиваютъ въ стороны. Наконецъ, догоняемъ конныхъ охотничьей команды. Солдаты пропускаютъ насъ впередъ, но это выходитъ совсѣмъ некстати. Чья-то лошадь топчется, бросается въ сторону и падаетъ вмѣстѣ съ всадникомъ. Другой всадникъ кричитъ солдатамъ и еле сдерживаетъ свою лошадь, которая прыгаетъ и кружится на мѣстѣ. По голосу узнаю полковника Гамзина.

— Гдѣ еще? Гдѣ еще? — кричитъ онъ, и видно, какъ руки его борются съ невидимымъ врагомъ.

— Поймалъ, ваше высокогородіе! — торжественно восклицаетъ охотникъ.

Всѣ мы подвергаемся той же участи и продѣлываемъ тѣ же манипуляціи.

— Внизу еще! Подъ ногами! — кричитъ кто-то и въ заключеніе вмѣстѣ съ лошадыю, падаетъ на землю.

Падьянтай. Денежный ящикъ 1-го полка.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Со мной рядомъ жонглируетъ на лошади полковой адъютантъ, поручикъ Никитинъ, котораго узнаю въ темнотѣ по его свѣтлой черкѣскѣ.

Мы запутались въ телеграфной и телефонной проволоцѣ и съ большимъ трудомъ высвободились изъ нея. Одному изъ охотниковъ, между прочимъ, перерѣзало горло. Такіе случаи бывали неоднократно, и, несмотря на то, проволоку въ мѣстахъ пересѣченія съ дорогами не подымали ни на вершокъ, исходя, вѣроятно, изъ того разсужденія, что на войнѣ ужъ такой порядокъ вещей, что такъ или иначе надо погибнуть во славу своей родины.

Послѣ этого происшествія произошло новое. Колонна сбилась съ дороги. Когда мы догнали полковника Леша, онъ стоялъ среди другихъ офицеровъ и осматривалъ освѣщенную огаркомъ свѣчи карту. Одинъ изъ офицеровъ держалъ компасъ. Дорога должна была находиться здѣсь, а ея не было. Рѣшили послать охотниковъ въ разныя стороны, потому что идти напрямикъ по компасу по пересѣченной мѣстности съ артиллеріей было немислимо. И такъ много повозокъ изъ обоза поломалось и брошено.

Охотниковъ ждали минутъ двадцать. Мы, утомленные переходомъ, дремали въ сѣдлахъ, а люди лежали вповалку на мерзлой землѣ.

Наконецъ, Лешь не выдержалъ и поѣхалъ впередъ. Адъютантъ Никитинъ, Дашкинъ, я и ординарцы поѣхали за нимъ, съ трудомъ пробираясь въ темнотѣ среди лежащихъ тѣлъ. Скоро на-

встрѣчу намъ попались двое охотниковъ съ извѣстіемъ, что дорога на Гудзядзы найдена. Было такъ темно, что найти ее глазами оказалось совершенно невозможно, и лишь случайно, нащупавъ ее ногами лошадей, можно было узнать дорогу.

Трудно было подымать утомленныхъ до крайности людей и вести ихъ дальше. Черезъ полчаса голова колонны уже двигалась по дорогѣ, а еще черезъ полчаса карта и глобусъ доказали, что мы идемъ обратно къ Сухетуно.

Опять остановка, опять падающіе отъ изнеможенія люди и опять розыски дороги.

Лешь между тѣмъ, видя, что такимъ образомъ толку добьешься не скоро, пустилъ своихъ ординарцевъ напрямикъ по компасу и въ томъ же направленіи двинулся самъ съ однимъ батальономъ.

Черезъ часъ мы выѣхали на дорогу и повстрѣчались съ какимъ-то обозомъ, шедшимъ, по словамъ конвойныхъ, изъ Гудзядзы. Наши охотники немедленно были посланы по дорогѣ обратно, чтобы вывести на нее полки и артиллерію.

Когда колонны подтянулись на мѣсто, было три часа ночи. Лешь пропускалъ мимо себя свою бригаду и благодарилъ

Казачьи юрты въ Суютунѣ.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы»

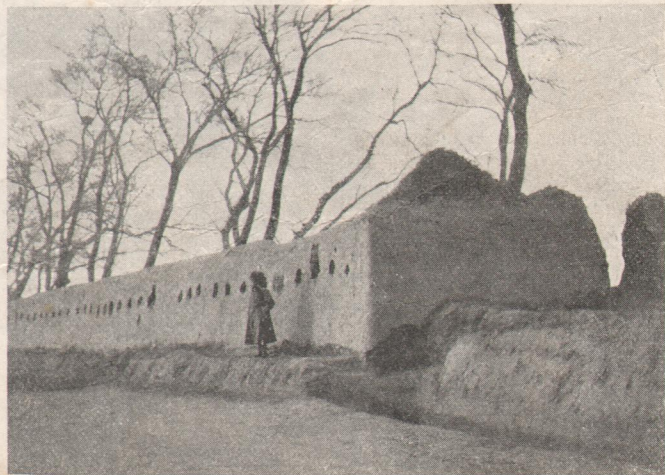
отдѣльно каждую роту. Разрѣшено было ставить палатки, но люди были до того утомлены, что не въ состояніи были этого сдѣлать, и, дойдя до мѣста, падали въ изнеможеніи. Наименѣе уставшіе приносили изъ интендантскаго склада гаолянъ и разведили острѣе.

Въ четыре часа ночи подтянулася хвостъ колонны; офицеры немедленно разбрелись по землянкамъ, которыхъ нашлось штукъ пять, но большинство офицеровъ эту ночь спало или, вѣрнѣе сказать, лежало, какъ и солдаты, подъ открытымъ небомъ.

Кругомъ незамѣтно было никакихъ признаковъ жилья, Лешу и намъ, его спутникамъ, адъютантамъ и мнѣ предстояло дѣлать участь съ остальными и провести ночь на пятнадцатиградусномъ морозѣ. Но милѣйшій Нюрочка исчезъ, и, покуда Лешь пропускалъ мимо себя батальоны, гдѣ-то носился и, наконецъ, прискакалъ съ извѣстіемъ, что онъ нашелъ фанзу для командира.

— Кто васъ просилъ? — отвѣтилъ ему Лешь на его докладъ. — Что, мы не можемъ здѣсь переночевать?

— Мы можемъ, господинъ полковникъ, а вамъ надо отдохнуть, вы больше всѣхъ устали...

Стѣны дворовъ въ Падьянтай, приведенномъ въ оборонительное положеніе.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

— Вот кто больше всёх устал! — сердито сказали Лешь, указывая на группы людей, во всем снаряжении лежавших у костров.

Онъ еще разъ проѣхалъ по безконечнымъ рядамъ огней и говорилъ солдатамъ.

— Жгите костры всю ночь, не жалейте гаюлина, требуйте, сколько нужно. Отдыхайте!.. Молодцами шли!..

— А черезъ часъ или два, можетъ-быть, придется выступать дальше...—озабоченно прибавилъ онъ вполголоса въ нашу сторону.

Обѣхавъ биваль, онъ спросилъ, гдѣ господа офицеры. Но всё уже спали, и онъ не велѣлъ ихъ будить.

Справившись у поручика Дашкина о мѣстѣ найденнаго для него ночлега и названіи деревни, онъ велѣлъ объявить объ этомъ по всемъ батальонамъ, чтобы на биваль знали, гдѣ его найти.

Послѣ этого мы двинулись по указанію поручика Дашкина. До деревни пришлось скакать еще четыре версты. Фанза, которую для насъ «нашелъ» Нюрочка, оказалась обитаемой офицерами какого-то мѣстнаго транспорта, которые и не подозревали даже, что ихъ жилище оказалось для насъ счастливою «находкой». Проснувшись отъ нашего шумнаго нашествія, они объявили, что мѣста нѣтъ, и они имѣютъ право никого не пускать, но мы рѣшили имъ не противорѣчить и сами нашли себѣ мѣста на теплыхъ канахъ, а черезъ пять минутъ уже спали мертвымъ сномъ.

Ночью насъ не будили никакими бумагами, а утромъ часовъ въ 8 пришелъ полковникъ Новосельскій, начальникъ штаба 1-й дивизіи, и принесъ радостное извѣстіе.

— Можете спать сколько угодно!—услышали мы спросонья его пріятный баритонъ.—Корпусу разрѣшено сегодня отдыхать..

Мы стали закусывать.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Это извѣстіе настроило насъ на самый добродушный ладъ. Подвигшись съ кановъ часикъ спустя, мы завели бесѣду съ нашими негостепріимными хозяевами, которые, наконецъ, смягчились, а къ обѣду были уже нашими друзьями и угостили насъ всемъ, что только имѣлось въ ихъ хозяйствѣ. Наши денщики, которые тоже приготовили намъ обѣду, въ ознаменованіе союза влили въ общую миску оба супа—горохъ и борщъ изъ консервовъ, что было болѣе забавно, чѣмъ вкусно..

Переходъ 12-го числа, въ общей сложности около пятидесяти верстъ, сдѣлать неизбѣжнымъ дать людямъ суточный отдыхъ. Шли съ 6-ти часовъ утра до 4-хъ часовъ ночи, то-есть *двадцать два часа*... При этомъ не было ни одного отсталого или больного...

14-го въ 6 часовъ утра двинулись дальше. Нейзакъ къ полудню измѣнился. Мы входили въ горы. Погода ясная, солнечная, при довольно сильномъ морозѣ. Съ высоты горъ лента войскъ безконечно извивалась по переваламъ и терялась вдаль.

Среди дня остановка въ деревнѣ. Мы вошли въ фанзу, выбранную Дашкинымъ. Офицерская кухня съ готовымъ обѣдомъ вѣхала во дворъ. Скоро прибылъ въ коляскѣ генералъ Гернгроссъ съ генераломъ Бринкеномъ и вошли въ нашу фанзу. Обитатели ея, китайцы чувствовали себя, повидимому, очень неловко. Женщины съ дѣтьми забились въ уголъ на канѣ и старались не смотреть на незваныхъ гостей. Женщинъ у китайцевъ не принято показывать постороннимъ, но смущеннымъ мужьямъ ихъ, которые были тутъ же, не оставалось ничего другого, какъ покориться обстоятельствамъ, и они услужливо ухаживали за нами, подставляя намъ скамейки, подметая съ кана пыль или подавая огня для папироски. Если кто-нибудь слишкомъ упорно начиналъ разглядывать одну изъ женщинъ, то мужъ-китаецъ, какъ бы нечаянно, становился передъ нимъ, закрывая жену отъ дерзкаго взора.

Кромѣ согрѣванія самихъ кановъ очагомъ, китайцы ставятъ на каны большія глиняныя чашки съ тлѣющей гаюлиновой золой, которая долго держатъ тепло.

Полковникъ Лешь встрѣчаетъ прибывшихъ въ деревню генерала Гернгросса и генерала Бринкена.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Я подошелъ къ такой переносной печкѣ, стоявшей на канѣ рядомъ съ группой женщинъ, чтобы погрѣть озябшія руки. Одинъ изъ китайцевъ, любезно улыбаясь, сейчасъ же взялъ чашку и перенесъ ее на другой противоположный канъ, на то мѣсто, гдѣ я передъ этимъ сидѣлъ.

Я поблагодарилъ его, но горячую чашку велѣлъ ему перенести обратно, такъ какъ около нея грѣлись ребятишки.

Женщины сидѣли, поджавъ подъ себя ноги въ чистыхъ бѣлыхъ чулкахъ. Туфли онѣ оставляютъ на полу у кана. Ноги даже у тѣхъ женщинъ, которыя ихъ не уродуютъ (уродуютъ китайки, а не манчжурки) очень миниатюрны, и ихъ расшитыя туфельки на толстой, пальца въ два, бумажной подошвѣ у насъ придется по ногѣ развѣ только пятилѣтнему ребенку.

Между женщинами въ фанзѣ была одна вдова съ бѣлой повязкой на головѣ и дѣвушка съ распущенной косой. Двѣ замужнія женщины отличались своей неизбѣжной прической съ большими обручами на затылкѣ. Всѣ онѣ занимались шитьемъ.

Мужчины, не говорившіе по-русски, неоступно старались у насъ узнать, намѣрены ли мы ночевать въ фанзѣ.

Когда мы ихъ поняли и объяснили, что мы ночевать не будемъ, то они были безконечно счастливы.

По обычаямъ военнаго времени, кака-нибудь войсковая часть, занимая деревню для ночлега, безъ дальнихъ разговоровъ предлагаетъ китайцамъ съ женщинами и дѣтьми убраться прочь. Они покоряются безпрекословно и по морозу путешествуютъ въ окрестностяхъ, отыскивая пристанища въ соседнихъ деревняхъ.

Разумѣется, такіа развлечения не особенно по душѣ жителямъ деревень.

Послѣ второго перехода 1-й полкъ остановился на ночлегъ въ деревнѣ. Но Лешь выбралъ нарочно деревню большую, гдѣ бы наши могли размѣститься, занявъ только половину каждой фанзы.

Самому Лешу и намъ съ Нюрочкой нашли самую чистую фанзу. Кто приравниваетъ деревенскую фанзу къ нашей деревенской избѣ, тотъ сильно ошибается. Въ фанзѣ вы найдете чистые лаки-

Мясо на котлеты для гг. офицеровъ.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

рованные рѣзные столы, на полках фарфоровыя вазы и бронзу, въ сундукахъ изобиліе шелковой нарядной одежды и цѣлую библиотеку книгъ.

Когда мы заняли фанзу, то хозяева ея, разбѣгившіеся въ другой половинѣ, встрѣтили насъ съ поклонами, зажгли намъ свои красныя свѣчи, но вазы и прочія драгоценности стали предусмотрительно уносить на свою половину.

У китайцевъ въ эти дни кончались праздники новаго года. По стѣнамъ еще видѣлись развѣшенные красныя листочки съ муд-

ловно, одного изъ храбрѣйшихъ, полезнѣйшихъ и достойнѣйшихъ своихъ представителей.

Жаль его полезной и дѣятельной жизни, такъ нехстати прекращенной шальной пулею. Жаль и жену его, которая такъ бодро и доблестно несла вмѣстѣ съ нимъ всѣ тягости боевой жизни и вмѣстѣ съ нимъ испила послѣднюю смертную чашу.

СМѢСЬ.

Благотворительныя марки.— Не особенно давно въ Даніи

Китайское семейство.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

рыми изреченіями или съ узорами, прорѣзанными отъ руки, какъ тончайшія кружева...

Харбинь,
8-го марта.

В. Табуричь.

Н. И. Гомзяковъ. (Портр. на этой стр.)

Среди тысячъ незамѣтныхъ трагедій, тонущихъ въ общей грозной пучинѣ войны, выдѣляется своей глубокой трогательностью гибель на полѣ битвы супружеской четы Гомзяковыхъ.—Н. И. Гомзякова, капитана 5 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, и его супруги, Елены Павловны Гомзяковой, служившей въ одномъ отрядѣ съ мужемъ въ качествѣ сестры милосердія.

Н. И. Гомзяковъ—герой китайскаго похода 1900 г. Тогда онъ командовалъ ротой упомянутаго полка, стоя сначала въ Тончоу (около Таку), въ Пекинѣ, а затѣмъ въ Шанхай-Гуань, Сенъ-ю-ченъ и, наконецъ, въ Бидзыво.

Послѣ высадки японцевъ въ Бидзыво, въ началѣ нынѣшней войны, Н. И. Гомзяковъ отошелъ со своей ротой къ Кинь-чжоу, и здѣсь, между станціями Саншилипу и Кинь-чжоу, былъ убитъ въ ночномъ бою, прикрывая отходъ нашихъ отрядовъ на позиціи. Той же ночью жена его, Е. П. Гомзякова, узнавъ о гибели мужа, отправилась отыскивать его тѣло. Она ушла въ ночную мглу, гдѣ все еще летали шальные пули — и уже больше не возвратилась... Смерть спосила и ее въ этой ужасной жатвѣ, гдѣ падали и заливали своей кровью манчжурскую землю десятки тысячъ русскихъ людей! Пасынки покойнаго, Александръ и Анастолій Гомзяковы, съ отрядомъ Штапельберга хотѣли пробиться въ Портъ-Артуръ къ родителямъ, но, какъ извѣстно, попытка Штапельберга не удалась. Тѣмъ не менѣе, оба человѣка оказались достойными своей матери и отчима и отличились во всѣхъ бояхъ, начиная отъ Вафангоу и кончая Ляояномъ, и заслужили георгиевскіе кресты.

Покойный Н. И. Гомзяковъ былъ однимъ изъ выдающихся офицеровъ русской арміи. Онъ (а также и его супруга) прекрасно владѣлъ китайскимъ языкомъ, зналъ мѣстные обычаи и, благодаря этому, пользовался особою любовью и уваженіемъ китайскаго населенія. Прирожденный тактъ и знаніе языка позволяли ему устранять всякія недоразумѣнія, ссоры и столкновенія по отношенію къ китайцамъ. Въ особенности это оказалось необходимымъ во время китайской кампаніи 1900 г., когда русскія войска дѣйствовали совмѣстно съ иностранными отрядами, и вслѣдствіе розни и нестрогости національностей очень трудно было удерживать хорошія отношенія союзниковъ съ китайцами.

Въ лицѣ покойнаго Н. И. Гомзякова наша армія потеряла, без-

Внутренній видъ китайской фанзы, покинутой жителями.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

стать практиковаться съ большимъ успѣхомъ новый способъ благотворительности. Тамъ были выпущены особыя марки (для оплаты почтовой корреспонденціи, счетовъ и пр.), сборъ съ продажи которыхъ получилъ спеціально-благотворительное назначеніе — въ пользу дѣтей, страдающихъ чахоткой. Марки эти (въ 1 к. на наши деньги) выпускаются, обыкновенно предъ Рождествомъ и поэтому имѣютъ на себѣ надписи «Julen» («Рождество»). Торговля ими идетъ очень бойко, и, напримѣръ, нынче за одну рождественскую недѣлю ихъ было продано въ Даніи около 6 миллионъ штукъ.

Подобный же способъ благотворительности существуетъ и въ Швеціи.

Такия же благотворительныя марки введены теперь и у насъ. Нечего прибавлять, конечно, что появленіе ихъ у насъ вызвано нуждами военного времени, и что сборъ съ нихъ пойдетъ на помощь жертвамъ событій нынѣшней войны.

На-дняхъ поступили въ обращеніе на ряду съ обыкновенными почтовыми марками особыя—большаго формата марки, художественно исполненныя Экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ продажѣ каждая такая марка стоитъ на три копейки дороже, чѣмъ соответствующая ей почтовая марка (напримѣръ, 10-копеечная—13 коп., 7-копеечная—10 коп. и т. д.), и полученныя такимъ путемъ съ каждой марки излишнія 3 копейки идутъ на усиленіе средствъ особаго фонда въ пользу сиротъ воиновъ дѣйствующей арміи. Фондъ этотъ образованъ при Императорскомъ женскомъ патріотическомъ обществѣ.

Марки отпечатаны въ нѣсколько красокъ, и на нихъ имѣются изображенія извѣстнѣйшихъ русскихъ памятникъ—адмиралу Нахимову въ Севастополѣ, Минину и Пожарскому въ Москвѣ, Петру Великому въ Петербургѣ и Императору Александру II въ московскомъ Кремлѣ.

Корреспонденція, оплаченная упомянутыми марками, пересылается почтою совершенно такъ же, какъ и оплаченная простыми марками. Продаются онѣ во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ столичныхъ и губернскихъ городовъ и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ.

Несомнѣнно, что марки эти получать у насъ большое распространеніе въ виду той благой цѣли, которую онѣ преслѣдуютъ.

Прибавимъ къ этому (спеціально для любителей-коллекціонеровъ), что изданіе описываемыхъ марокъ ограничено опредѣленнымъ количествомъ, по распродажѣ котораго марки эти воспроизводимы не будутъ. Такимъ образомъ, онѣ приобретутъ со временемъ цѣнность сравнительной рѣдкости.

Капитанъ 5-го вост.-сибирск. стр. полка Николай Ивановичъ Гомзяковъ, убитый 3-го мая между Саншилипу и Кинь-чжоу у Портъ-Артура.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе). — На крестѣ. — Ж. Б. Грезъ. — Жюль Вернь. — На войнѣ. (Отъ нашего спеціального корреспондента). — Н. И. Гомзяковъ. — Смѣсь. — Объявленія.

РИСУНКИ: Скорбящая Богоматерь.—Тайная Вечера.—Послѣдній мгновенья земной жизни Спасителя.—Положеніе во гробѣ.—Любовь и ненависть.—Дѣвочка.—Разбитая кружка.—Портретъ дѣвочки.—Портретъ мальчика.—Жюль Вернь.—Одинъ изъ способовъ моихъ передвиженій.—При такихъ условіяхъ мнѣ пришлось работать.—Полковникъ Лешъ въ Падыятаѣ.—Полковникъ Лешъ впереди своего полка и его адъютантъ поручикъ Никитинъ.—Казачи юрты въ Сяутунѣ.—Денежный ящикъ 1-го полка.—Стѣны дворовъ въ Падыятаѣ, приведенномъ въ оборонительное положеніе.—Полковникъ Лешъ встрѣчаетъ прибывшихъ въ деревню генерала Гернгросса и генерала Бринкена.—Мы стали закусывать.—Мясо на котлеты для гг. офицеровъ.—Китайское семейство.—Внутренній видъ китайской фанзы, покинутой жителями.—Капитанъ Н. И. Гомзяковъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Щеллера-Михайлова“ книга 27.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. И. Свѣтловъ.